

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Калининград
1999**

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

Калининград
1999

Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1999. - 95 с. - ISBN 5-88874-118-3.

Сборник освещает актуальные проблемы когнитивной семантики и прагматики и вносит определенный вклад в развитие когнитивно-прагматической мегапарадигмы. Авторы исследуют критерий контролируемости действия, заложенный в семантике глагольной лексики; вскрывают механизм порождения и развития многозначности через вторичную номинацию; анализируют типы фреймов, лежащие в основе терминосистем; на примере концептуальных метафор описывают когнитивную схему организации и хранения знаний; доказывают, что концепт словообразовательного значения деривата может служить базой когнитивного анализа.

В отличие от предыдущих выпусков данный сборник отводит место прагматике перевода, а также когнитивным и коммуникативным проблемам методики.

Предназначен для специалистов по общему и частному языкознанию, преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов языковых вузов.

Печатается по решению редакционно-издательского Совета Калининградского государственного университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Заботкина, д.ф.н., профессор (Калининградский ун-т) - отв. редактор; Т.П. Желонкина, к.ф.н., доцент (Калининградский ун-т) - отв. секретарь; М.В. Никитин, д.ф.н., профессор (Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена); С.Г. Тер-Минасова, д.ф.н., профессор (Московский ун-т им. М.В. Ломоносова).

Рецензент: доктор филологических наук, профессор О.В. Александрова.

**Когнитивно-прагматические аспекты
лингвистических исследований**

Сборник научных трудов

Редактор А.М. Соколова.

Оригинал-макет - И.А. Хрусталева.

Изд. лиц. №020345 от 14.01.1997г.

Подписано в печать 11.01.1999 г. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура «Таймс». Бум. для множит. аппаратов. Ризограф.

Усл. печ. л. 6,0. Уч. изд. л. 6,0. Тираж 150 экз. Заказ .

Калининградский государственный университет
236041, Калининград, ул. А. Невского, 14.

В.И. Заботкина

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НЕОЛОГИИ.

В ситуации полипарадигматизма в современной лингвистике наблюдается тенденция к формированию новой мегапарадигмы (Кубрякова, 1995) или архипарадигмы в терминологии Ю. Степанова. Данная парадигма аккумулирует последние достижения отдельных парадигм на базе общих черт. В последние десятилетия ведущими парадигмами, которые внесли наибольший вклад в становление новой мегапарадигмы, явились прагматическая и когнитивная.

Связь между когнитивной и прагматической парадигмами привлекала внимание многих лингвистов. Так, Д.Шпербер и Д.Уилсон (Sperber & Wilson, 1986, 1995) отрицают существование отдельного прагматического модуля и считают его составляющей когнитивной парадигмы. Они рассматривают прагматику как часть общих когнитивных принципов, вовлеченных в интерпретацию высказываний. Во многом взгляды Д.Шпербера и Д.Уилсона разделяет Кашер (Kasher, 1991). Он считает основной задачей прагматики проследить, “как прагматические теории соотносятся с общей психологической концепцией природы человеческого сознания”. С другой стороны некоторые лингвисты считают, что когнитивная теория является частью прагматики. Так, Джеф Ферсхюерен определяет прагматику как науку, изучающую когнитивные, социальные и культурные аспекты языка и коммуникации (Verschueren, 1995). Дж.Ньютс выдвинул свою собственную когнитивно-прагматическую теорию, где он придерживается мнения о том, что когнитивные и прагматические аспекты ни противопоставляются, ни дополняют друг друга, они скорее представляют две разные грани одного и того же явления (Nuyts, 1992).

Конвергенция когнитивных и прагматических аспектов лингвистических исследований восходит к концепту “интерпретанта”, предложенному Ч.Пирсом (1934) и рассматриваемому в качестве третьего члена к диаде “знак – предмет”. Понятие “интерпретант” по-разному понималось разными лингвистами. Некоторые из них приравнивали его к релевантному контексту коммуникации (Givon, 1989). Другие определяли “интерпретант” как сознание интерпретатора, мысль или понятие. Цитируя Пирса, Моррис также определяет “интерпретант” как набор общих привычек и правил употребления (Morris, 1938). Эта двойственная природа интерпретанта заложила основу для развития когнитивной теории коммуникации.

Другой чертой, объединяющей когнитивный и прагматический подход к языковым исследованиям, является принцип инференции, ставший ведущим

принципом как когнитивных, так и прагматических исследований. Именно принцип инференции лежит в основе теории имплицатур Пола Грайса (Grice, 1989) и теории концептуальной семантики Р.Джэкендоффа (Jackendoff, 1983; 1987; 1990; 1997). “Теории кода”, рассматривающие высказывание как закодированное сообщение, были вытеснены “теориями инференции”, которые рассматривают высказывание лишь как выражение свидетельства *намерений* говорящего (Wilson, 1997). В процессе коммуникации слушающий старается понять (инферировать) намерение говорящего. Появился термин “инференциальная коммуникация” (Sperber & Wilson, 1995).

В лексикологических исследованиях когнитивные и прагматические аспекты тесно переплетаются друг с другом. Обстоятельный обзор современного состояния лексикологии английского языка с позиции прагматического, когнитивного, текстуального и процедурного аспектов можно найти в работе Л.Липки (1992). Тем не менее многие вопросы остаются без ответа. Особое внимание должно уделяться когнитивным и прагматическим механизмам, лежащим в основе динамики лексикона английского языка.

Выбор слова определяется контекстом. В то же время пользователи языка должны обладать определенными *знаниями* контекста как релевантных условий адекватного употребления лингвистического знака. Наша гипотеза состоит в том, что для успешной коммуникации у говорящего и слушающего должно быть общее прагматическое и когнитивное пространство. Оно создается общей концептуальной картиной мира. Так, пользователи языка должны быть вовлечены в процесс “совместного ословливания” мира (Meu, 1996) в соответствии с параметрами прагматического контекста. Прагматический контекст подразделяется на три уровня: 1) общекультурная картина мира (знания об окружающем мире, включая общество и культуру), 2) дейктический контекст (контекст ситуации), и 3) дискурсивный контекст (общий предшествующий текст) (Givon, 1989). Первый уровень — культурная картина мира с соответствиями в концептуальной картине мира — играет самую важную роль. Поскольку когнитивная картина мира подвержена изменениям, мы считаем необходимым проанализировать изменения последних тридцати лет.

Когнитивно-прагматический подход к лексикологическим исследованиям, основанный на анализе динамики англоязычной культурной картины мира предполагает рассмотрение следующих вопросов: какие концепты чаще всего использовались в процессах категоризации последних нескольких десятилетий? Происходили ли изменения в наборе основных концептов и категорий? Изменился ли сам процесс категоризации? Наблюдаются ли изменения в прототипах? Какой способ вербализации был самым активным за последние десятилетия? Какие словообразовательные средства и значения были особенно активно вовлечены в процесс трансформации концептуальной структуры в реальные лингвистические

знаки? Какова роль прагматических факторов в процессе концептуализации? Каковы основные прагматические ограничения на категоризацию? Каков механизм взаимодействия когнитивных и прагматических факторов в процессе порождения нового слова?

В настоящей работе мы попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов, сконцентрировавшись на взаимодействии и взаимозависимости когнитивных и прагматических параметров, связанных с изменениями лексикона. Материал для анализа был заимствован из одного из самых полных и достоверных справочных изданий по неологизмам (Barnhart, 1980; 1990).

За последние несколько десятилетий набор основных понятий человеческого общества (“алфавит человеческой мысли”) в терминологии Декарта и Паскаля не претерпел значительных изменений (ср. предложенной Р.Джакендоффом (1983) набор: “вещь”, “место”, “время”, “направление”, “действие”, “образ действия”, “величина”, “запах” и т.д.). Однако некоторые из этих понятий расширились либо изменились. Возьмем, к примеру, понятие места и времени. Понятие места может рассматриваться с разных точек зрения. Оно может быть: 1) трехмерное физическое пространство в своей целостности; 2) психическое пространство как сумма психических репрезентаций, соответствующих любым сферам человеческого знания; 3) языковое пространство как особый тип пространства, включающий лингвистические категории и всю систему языка, например части речи, синонимичные и антонимичные ряды и т.д. (ср. Кубрякова, 1997).

Психическое и языковое пространства тесно связаны как между собой, так и с категорией времени. Как указал Л.Выготский, в промежутке между мыслью и высказыванием во времени и пространстве происходит несколько процессов: переход от смутного смысла к импульсу, затем к расплывчатому представлению внутренней речи (*lingua mentalis*) и затем от внутренней речи к внешней речи (высказывание) (Выготский, 1982). В настоящее время все эти процессы протекают быстрее по причине “brain-storming”, “collective thinking” и “think tank”. Таким образом промежуток времени, необходимый для кристаллизации понятия и его дальнейшей вербализации сжимается.

Понятие физического пространства также изменилось благодаря развитию телекоммуникаций и “world networking”, например “telecommuting” — способ работы на дому, при котором связь с офисом осуществляется посредством компьютера; “telebanking” — осуществление банковских операций из дома по компьютеру. Ср.: “The office blocks will be deserted as the workers telecommute in the suburbs” (Safire, 1996). В результате изменений понятия времени в последние тридцать лет появились новые концептуальные метафоры: *time is a solid structure which can be deformed or distorted*. Например, *time-warp* — воображаемое прерывание или искажение течения времени. Понятие времени как материальной сущности, обладающей определенной формой, может быть проиллюстрировано

следующими примерами: *time-frame* — определенный период времени, в рамках которого что-либо запланировано; ср. *time-slot*, *time-slice*.

Помимо изменений основных понятий, отмечалось появление новых концептов, которые запечатлены как в традиционных, так и в новых понятийных сферах. Как известно, фреймы и понятийные сферы имеют различные уровни кодировки. К примеру, новые концепты *acid fog*, *heat island*, *energy belt*, *urban forest*, были записаны в новой концептуальной сфере “защита окружающей среды”. Вышеупомянутые *telecommuting*, *teleshopping* были инкорпорированы в новую сферу “информационные технологии”. Однако количество новых сфер достаточно ограничено. Превалирующая тенденция состоит в внедрении новых концептов в традиционные сферы. Здесь более наглядно демонстрируется разграничение по уровню кодирования. Например, в сфере “общественная жизнь” концепт *communitarism* (совместное проживание в едином мире) стал гипонимом (субсферой) по отношению к родовой сфере “общественная жизнь” в целом, и гиперонимом по отношению к понятию *collective responsibility* (коллективная ответственность), который в свою очередь является гиперонимом по отношению к подпонятию *neighbourhood watch* (организованная программа бдительности рядовых граждан для помощи полиции в борьбе с преступностью в определенном районе). Это означает, что одно из субсфер определенной сферы, являющейся гипонимом, может в свою очередь становиться гиперонимом. Концепты в определенной понятийной сфере, как и сами сферы, соотносятся посредством *концептуальной смежности* (Blank, 1997).

Традиционная концептуальная сфера преступности была обогащена новым концептом *gungsta* (организованная преступность), который стал отдельным гиперонимом по отношению к группе таких понятий, как *steaming* (быстрое “прочесывание” общественного места с целью грабежа прохожих с применением силы или численного перевеса), *wolf-pack* (группа мародерствующих молодых людей, занимающихся разбоем и грабежом) и *wilding* (вид насильственного ограбления), ср. *jamming*, *drive-by*, *side-walking*. Таким образом мы можем говорить об изменениях прототипа преступника. Границы данной категории расширяются, и такая специфическая черта как организованный характер преступной деятельности, которая ранее была на периферии категории, переместилась в ее центр.

Понятийная сфера “здравоохранение” обогатилась новым концептом “комплекс синдромов”, которое в свою очередь стало домейном-гиперонимом по отношению к таким концептам, как *the 20th century syndrome* (комплекс синдромов, основанных на напряжении и стрессах XX века), *agoraphobia* (комплекс боязней: боязнь открытого пространства, мостов, больших скоплений людей в магазинах и т.д.), *tight/sick building syndrome* (комплекс аллергий на искусственные современные строительные материалы).

Среди других традиционных домейнов наиболее значительное обогащение новыми концептами получили сферы финансов, политики, музыки, изобразительных искусств и злоупотребления наркотиками.

Прагматически релевантные факторы становятся более активными в процессе ословливания мира. Они проявляются в растущем антропоцентризме. Этот факт ведет к более детальной категоризации и подкатегоризации феномена *homo sapiens* во всех его ипостасях: *homo faber*, *homo loquens*, *homo ludens*, *homo agens*. За последние несколько десятилетий самыми активными ипостасями оказались следующие: 1) *homo ludens* (человек играющий), например *couch potato*, *cacooner* (человек, проводящий большую часть времени дома за телевизором), *mouse potato* (человек, проводящий большую часть своего времени, играя на компьютере), и 2) *homo agens* — человек действующий: например *do-it-yourselfer*, *do-it-yourselfism*, *all-at-once-ness* (когда одновременно выполняется множество дел), *life-boat ethics*; *hard-liner*, *bridge-builder*, *gut-lifer*, etc.

Активизация прагматически релевантных факторов в процессе концептуализации и вербализации проявляется в возрастающей роли таких параметров широкого прагматического контекста, как социальный, профессиональный статус говорящих, его возраст, пол и этническая принадлежность. Каждая социальная, профессиональная, возрастная, половая и этническая группа отличается своей собственной концептуальной картиной мира. С одной стороны, один и тот же объект реальности категоризуется и вербализуется по-разному представителями разных вышеупомянутых групп. С другой стороны, одна и та же языковая единица воспринимается по разному представителями различных групп. К примеру, представители старшего поколения США используют слова *ice-box* и *wireless* для обозначения холодильника и радио, в то время как младшее поколение соответственно употребляет слова *frige* и *boombox* (Safire, 1986).

Другое проявление возрастающей роли прагматически релевантных параметров является возникновение понятия “политической корректности”, которое можно рассматривать как новая сфера с несколькими субсферми, сформировавшимися в соответствии с вышеупомянутыми параметрами прагматического контекста. К примеру, с точки зрения параметра половой принадлежности субсфера “феминизм” была особенно активна в последние несколько десятилетий, вследствие чего в английском языке произошла реформа лексики, отражающей дискриминацию по половому признаку. Так, например, *stewardess* было заменено на *flight-attendant*, на смену *house-wife* пришло *homemaker*, *fisherman* сменилось на *fisher*, а *fireman* — на *fire-fighter*. В соответствии с возрастным параметром вместо *old person* стали употребляться *golden-ager* и *senior citizen*; на смену *elderly person* пришло *silver-ager*. По профессиональному параметру: *hairdresser* вышло из употребления, а на его место пришло *hairologist*, *garbage collectors* стали называться *sanitation*

engineers или *sanitation personnel*, теперь вместо *prison* мы имеем *correctional facility*, а *prison guard* стал соответственно *correctional officer*. Примеры политически корректных лексических единиц по параметру этнической принадлежности хорошо известны: *Afro-American*, *Afro-Caribbean*, *non-white*, *coloured*.

Между когнитивными и прагматическими факторами, участвующими в образовании неологизмов, существует тонкая взаимосвязь. Что важнее при создании новых слов: когниция или прагматика? Причины создания новых слов в основном прагматические. Возьмем, к примеру, постулаты классической риторики, предшественницы прагматики, о причинах создания новых тропов: (а) необходимость назвать неназванные предметы и явления, (б) стремление к особой выразительности, (в) стремление к красоте (Blair, 1845). Таким образом мы можем говорить о триаде: *необходимость*, *эмфаза* и *красота* как об основном прагматическом мотиве, лежащем в основе создания новых слов. Однако когнитивные факторы здесь несомненно играют определенную роль. Необходимость называть неназванное определенно несет в себе дополнительный когнитивный импульс. Как известно, новое слово является способом введения новых концептов (Leech, 1981). Когнитивные факторы здесь задействованы, однако приоритет отдается прагматически релевантным факторам.

Теперь если мы обратимся к акту рождения нового слова, мы не можем не увидеть сдвиг приоритетов, изменения распределения ролей между когнитивными и прагматическими факторами. Здесь на первое место выдвигаются когнитивные факторы. Общеизвестно, для наименования вначале необходимо идентифицировать референт, определить его место в когнитивной системе говорящего и категоризовать его. Далее идет процесс субкатегоризации (сопоставление с другими членами данной категории) и только после этого начинается поиск нового имени. Здесь опять активно выступают прагматические факторы. Как мы упоминали в нашей более ранней публикации (Zabotkina, 1997), прагматика нового слова кодирует первоначальное и уникальное психологическое намерение говорящего. Она также кодирует модальность “неожиданность” и “удивление”, а также компонент интенсивности. Действия по категоризации и подкатегоризации совершаются человеком, принадлежащим к одной из профессиональных, социальных, этнических и родовых групп, и выбор подходящего имени будет зависеть от одного из этих прагматически релевантных параметров. Помимо этого эмоциональное состояние торца нового слова также может влиять на процесс наречения нового понятия.

Далее, когда слово проходит процесс конвенционализации (усвоение обществом) и лексикологизации (усвоение системой языка), оно впитывает в себя дополнительные прагматические черты контекста его повторного употребления. Однако когнитивные факторы также активно вовлечены в процесс

конвенционализации. Действие инференции проявляется всякий раз, когда слово воспринимается слушателем. Значение нового слова должно инферироваться слушателем в соответствии с уже существующими в его когнитивной структуре фреймами. Он должен искать подходящий фрейм, в который необходимо интегрировать новую информацию. Существует порог новизны, за которым действие инференции невозможно. Если у новой информации не находится никакой связи с уже существующей когнитивной системой, то происходит нарушение коммуникации. Новое слово должно узнаваться когнитивной системой слушающего. Таким образом для успешного действия инференции необходим баланс между новой и старой информацией.

Когнитивно-прагматический подход к лексикологическим исследованиям должен быть нацелен на анализ тех когнитивных структур, в которых хранится знание о прагматически релевантных условиях уместного выбора и использования лексических единиц.

References:

Выготский Л. Мышление и речь. Избранные сочинения. Том 2. — Москва, 1982.

Кубрякова Е.С. (1997). Категоризация мира: пространство и время. // Категоризация мира. — Москва, Диалог-МГУ, 1997. Стр. 13.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине двадцатого века. // Язык и наука конца двадцатого века. — Москва, Российская Академия Наук, 1995. Стр. 144 - 258.

Barnhart, C.L., Steinmertz S., Barnhart, R.K. (1980). *The Second Barnhart Dictionary of New English*.

Barnhart, C.L., Steinmertz S., Barnhart, R.K. (1990). *The Third Barnhart Dictionary of New English*.

Blair, H. (1845). *Lectures on Rhetoric and Belles Letters*, pp. 205. London.

Blank, A. (1997). (forthcoming:) A Cognitive approach to Word-Formation. In: *The 16th International Congress of Linguistics*. Paris.

Givon, T. (1996). *Mind, Code and Context. Essays in Pragmatics*, pp. 70-73. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale, New Jersey, London.

Grice, H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Harvard UP.

Jackendoff, R. (1983). *Semantics and Cognition*. MIT Press, Cambridge.

Jackendoff, R. (1987). *Consciousness and the Computational Mind..* MIT Press, Cambridge.

Jackendoff, R. (1990). *Semantic Structures*. MIT Press, Cambridge.

- Jackendoff, R. (1997). *The Architecture of the Language Faculty*. MIT Press, Cambridge.
- Kasher, A. (1991). Pragmatics and the Modularity of the Mind. In: *Pragmatics. A Reader*. (Steven Davis (Ed.)), pp.567 - 582. Oxford University Press, Oxford.
- Leech, J. (1985). *Principles of Pragmatics*. London.
- Lipka, L. (1992) *An Outline of English Lexicology. Second Ed.* Max Niemeyer Verlag, Tubingen.
- Mey, J. (1996). *Pragmatics. An Introduction*, pp. 303-304. Blackwells, Oxford.
- Morris, Ch. (1938). *Foundations of the Theory of Signs*, pp. 30. University of Chicago Press, Chicago.
- Nuyts, J. (1992). *Aspects of a Cognitive-Pragmatic Theory of Language*. John Benjamins, Amsterdam / Philadelphia.
- Pierce, Ch. (1934). *Collected Writings*. Vol. 5, pp. 115-118. Harvard University Press, Cambridge.
- Safire, W. (1986). *Take My Word for It*. Time, New York.
- Sperber & Wilson. (1986/1995). *Relevance, Communication and Cognition*. Blackwell, Oxford.
- Verschueren, J. (1995). The Pragmatic Perspective. In: *A Handful of Pragmatics*. Manual. Ed. J.Verschueren. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia. Pp. 1-10.
- Wilson, D. (1997). (forthcoming:) Linguistic Structure and Inferential Communication. In: *The 16th International Congress of Linguistics*. Paris.
- Zabotkina, V. (1997). The Pragmatics of New Words and Their Translation from English into Russian, pp. 1901-1907. In: *Trends in Linguistics. Studies and Monographs 101. Language History and Linguistic Modelling* (Yaymond Hickey, Stanislaw Puppel (Ed.)). Mouton de Gruyter, Berlin-New York.

О. В. Александрова

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В последние годы лингвистическая литература всё чаще обращается к обсуждению вопроса о тексте и дискурсе. Постоянное обращение языковедов к этой проблеме вызвано целым рядом обстоятельств. Во многих случаях оба термина используются совершенно синонимично, кроме того, сама протяженность единиц, обозначаемых терминами "текст" и "дискурс" остается весьма неопределенной. Вследствие терминологического различия "текста" и "дискурса" влечет за собой и еще одну весьма сложную проблему — чем отличаются лингвистика текста и анализ дискурса. Текст обычно трактуется как набор определенных

лингвистических форм в составе определенного отрезка речи в совокупности с их интерпретацией, которые не изменяются в контексте. За контекст принимается определенное знание мира, включающее экстралингвистическую реальность.

Дискурс противопоставляется тексту как отрезок речи "в действии", приобретающий определённое значение для своего пользователя в контексте, использующийся говорящим в определенных целях, при определенных обстоятельствах и в определенном смысле. Дискурс является связным отрезком речи. Такое понимание термина "дискурс" вряд ли делает его отличие от термина "текст" более понятным.

Определение, данное термину "дискурс" в Современном философском словаре вызывает ещё большие сомнения: "Дискурс — понятие, выдвинутое структуралистами для анализа социальной обусловленности речевых высказываний. Понятие Дискурса особенно популярно в постструктурализме и деконструкции. Как правило, применяется в философии, социологии, когнитивных анализах, семиотике. Нередко используется просто как синоним "речи" [3, с. 153]

С точки зрения лингвистики данное определение не отражает языковой сущности дискурса, особенностей и специфики его анализа. В словаре лингвистических терминов находим более приемлемое определение термина: "Связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин Дискурс, в отличие от термина Текст, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно" [1, с. 136—137]. Итак, понятие дискурса включает экстралингвистические факторы, ритм.

Дискурс, как указывают А.А.Кибрик и его соавторы, — более широкое понятие, чем текст. Дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности и ее результат — а результат это и есть текст. [4] Функциональное направление в лингвистике, которое определяет развитие этой науки в последние несколько десятилетий, ориентируется на изучение именно дискурса. Анализ дискурса состоит в том, чтобы определить, как же текст наполняется смыслом, и что делает его связным и понятным.

А что же есть текст? "Текст — это реально высказанное (написанное) предложение или совокупность предложений (включая отрезок устной или письменной речи любой длины, вплоть до целого литературного произведения устного творчества и т.п.) могущее, в частности, служить материалом для наблюдения фактов данного языка" [1, с. 156].

Итак, дискурс — связный текст, но текст также обладает определенной связностью. В работах, посвященных анализу дискурса, часто указывается на его

интертекстуальный характер: что хорошо для молитвы — не годится для академической лекции. Однако на интертекстуальность указывают и многие исследователи текста. Текст — это прием, абстрактная формальная конструкция. Дискурс же это разные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами. Анализ дискурса — это междисциплинарная область знания, где участвуют не только лингвисты, но и социологи, психологи и т.д.

В лингвистической литературе выделяются следующие модели текста;

- 1) статическая — синтагматическая модель текста, ассоциирующаяся с интрафразовой связанностью;
- 2) динамическая — ассоциативная модель, представляющая парадигматику текста;
- 3) структурная модель — которая ориентирована на сообщение.

Думается, что первая — это собственно текстовая модель, вторая относится к дискурсу, третья же модель объединяет текст и дискурс.

Анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур.

Особенность дискурса состоит также в том, что восприятие текста включает стратегическое оперирование моделями, соотнося, например, текстовую информацию со структурами ментальных пространств этих моделей. Модели включают также соотношение между эпизодическим, личным знанием или событиями с одной стороны, и общепринятыми социально-ориентированными принципами, с другой. Разные структуры моделей функционируют как макроструктуры и микроструктуры. Первые, при этом, запоминаются лучше благодаря их функциональным особенностям, их роли в структурной организации текста, они концентрируют вокруг себя много сопутствующей информации.

Понятно, что любая языковая категория имеет свою протяженность. При этом единицы, которые ее конституируют на "низших" уровнях, определяются достаточно строго — морфема, слово, словосочетание, производное слово, сложные слова. Однако определение верхней единицы вызывает большие сложности. Что же такое текст? Где его верхняя граница? Если мы вернемся к определению текста, приведенному выше, можно говорить о предложении-тексте, о коротких рассказах-текстах — вплоть до целых сериалов-текстов, связных, например одним героем, как Миссис Мапл у Агаты Кристи.

Текстовые категории выходят за рамки предложения, они нуждаются в особой протяженности. Для понимания текста необходимо проследить связь предложений, которая выходит за их пределы и здесь вопрос о связности текста выходит на первый план.

Как известно, связность, когезия осуществляется лексическими и грамматическими средствами, среди них традиционно упоминаются референция, эллипсис, союзы, лексические средства. Однако формирование определенной "текстуры" проходит не только за счет средств когезии, но и также посредством структурных средств: тематической структуры — тема и рема и информационной структуры, выделения фокуса высказывания, данного и нового. Тема-рематическое построение в этом случае ориентировано на говорящего, а информационное — на слушающего. Однако оба — и тематическое структурирование, и информационное избираются и определяются говорящим.

Например,

Child: Shall I tell you why the North Star stays still?

Parent: Yes? Do.

Child: Because that's where the magnet is. And it gets attracted by the earth But the other stars don't. So they move around.

В данном случае мы имеем вполне связанный, логически организованный текст. Сравним его с другим, где когезия полностью отсутствует.

The magnet is at the North Star. The earth attracts the North Star. The earth does not attract the stars which are not the North Star. The stars which are not the North Star move around.

В последнем случае мы имеем последовательность логических суждений, имеющих совершенно особый языковой статус.

Здесь сразу же встает терминологический вопрос, как следует понимать тему и ремю, данное и новое. Эти, казалось бы, давно узусальные в лингвистике термины приобретают новое значение в современном когнитивном подходе к изучению языка. Хотя когнитивная функциональная грамматика еще не дала ответа на этот вопрос, топик или фокус следует понимать именно как информационный центр высказывания, данное же — это определенный, уже имеющийся в сознании говорящего фрейм знания, набор определенных ментальных моделей, которыми человек уже обладает. Именно при помощи фреймов формируется "когнитивная карата", что и помогает адекватно реагировать на получаемую информацию.

Если исходить из того, что текстовые категории выходят за рамки предложения и за рамки собственно интертекстуальности, что сейчас уже очевидно, то встает вопрос о расширении круга этих категорий и важнейшими при этом оказываются функциональная перспектива текста, распределение информации по тексту, вертикальная и горизонтальная стратификация текста.

Даже такой вопрос как заглавие текста остается неопределенным в плане его информативной ценности. Этот вопрос по-разному решается лингвистами. Так, существует мнение о том, что заглавие — это тема, сам же текст — это последовательность предикативных единиц. Однако именно в заглавии, как правило, сфокусировано в предельно сжатой метафорической форме основной

смысл текста. Один пример: в заглавии романа "The Painted Veil" отражено содержание романа, это название имеет метафорическую форму: вся жизнь — это разнообразно окрашенный занавес, который закрывает цену, где, собственно, и происходит жизнь, во всем ее многообразии.

Любая языковая единица, если она несет какое-либо значение, принимает участие в процессе коммуникации. Однако процесс коммуникации содержит разные по информационной нагрузке части, которые, соединяясь между собой, создают определенную топиальную линию в тексте. Средствами фиксации этой линии могут выступать различные элементы, как, например, использование единиц одного функционального стиля в составе другого (научный регистр речи в тексте художественной литературы, письмо и т.д.), парантезы, однословные предложения и др. Огромное значение для распределения коммуникативной нагрузки в тексте играет контекст, включающий вербальный и ситуативный контекст. Однако не следует понимать их узко, только как относящиеся к непосредственно данному тексту. Они, в свою очередь, проистекают из всего человеческого знания и опыта участников процесса коммуникации, которые затем формируют общий контекст человеческого знания и опыта.

Вопрос о тексте, также, как и о дискурсе, безусловно выходит за рамки собственно лингвистического исследования, это предмет междисциплинарного изучения. Процесс проникновения в суть текста-дискурса требует включения разных программ — как когнитивного плана, так и интертекстуального, что, по нашему мнению, входит в сферу когнитивной лингвистики и что в конечном счете и является решающим моментом в определении коммуникативной, в широком смысле, ценности текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. МГУ, 1969.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. Советская энциклопедия, 1990.
3. Современный философский словарь. 1996.
4. Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Московский университет, 1997.
5. Язык и культура конца 20 века. Наука, 1996

ПЕРЕРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ ПРИ УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ

Несмотря на целый ряд экспериментальных исследований структуры и динамики устного перевода, функционирование памяти, в частности, проблема взаимодействия оперативной (ОП) и долговременной памяти (ДП) при устном переводе остается открытой. Выявление характера этого взаимодействия представляет огромную важность при подготовке и совершенствовании переводчиков-профессионалов, работающих в ситуации, приближенной к стрессовой, когда приходится в сжатые сроки перерабатывать значительное количество информации. В настоящее время оперативная (именуемая также активная, рабочая или кратковременная)¹ и долговременная (перманентная или длительная) память рассматривались как две независимые друг от друга системы. В последнее время все чаще появляются высказывания о возможном их взаимодействии. Видимо, более правомерно говорить о взаимодействии ОП и ДП в контексте целостной деятельности человека с определенными материалами. Эта взаимосвязь может быть реализована в процессе обучения, обеспечивающем становление способов познавательных действий в новом предметном содержании. В этой связи представляется возможным выявить взаимодействие ОП и ДП в процессе формирования переводческой деятельности, которая и позволяет проследить динамику взаимодействия в условиях разноуровневой организации речевой информации.

В пользу связи ОП и ДП при устном переводе показывают различные исследования, раскрывающие процедуру переноса речевой информации. Так, исследователь А.Хромосова считает, что по мере поступления сообщения на исходном языке одновременно с его хранением в ОП поступают знания лексики и грамматики из ДП как на исходном, так и на переводящем языках, далее, в период произнесения сегмента весь цикл повторяется [3]. Анализируя механизмы перевода, Д.Гервер вскрывает сложную картину участвующих в нем мнемических процессов: кратковременную буферную память на входе, функционирование которой подтверждается данными слухового объема памяти; кратковременную рабочую па

¹Следует уточнить, что некоторые авторы придерживаются разделения кратковременной и оперативной памяти. Будем считать, тем не менее, что кратковременное хранилище является оперативной памятью-системой, где принимаются решения, решаются задачи и задается направление потокам информации.

мять, обеспечивающую перекодировку поступающей информации; кратковременную буферную память на выходе и, наконец, долговременное хранилище лексических и грамматических структур исходного и переводящего языков,

взаимодействующее с вышеуказанными процессами при восприятии, трансформации и выдаче сообщения [2]. Б.Мозер описывает последовательность обработки акустического сигнала мозгом переводчика по этапам, на которых происходит пошаговое укрупнение получаемой информации, постоянно взаимодействующей со знаниями, хранимыми в ДП [4]. Согласно К.Картельери перенос информации осуществляется не только из ОП в ДП, но и сама ОП также обладает возможностями вызвать процессы поиска в ДП для восстановления частично утраченной информации. Лишь во взаимодействии с долговременной кратковременная (оперативная) память может вызвать специальные процессы, которые служат таким образом поиску информации и продолжению переводческого действия [1].

Анализ подходов указанных авторов дает возможность считать, что в процессе переводческой деятельности осуществляется непрерывный перенос информации из ОП в ДП и наоборот. Подобная циркуляция информации является важным основанием, позволяющим сделать предположение о том, что при устном переводе поддерживается непрерывная взаимосвязь ОП и ДП, в том числе в процессе овладения им. Гипотетически эта взаимосвязь реализуется на всех этапах овладения устным переводом: при восприятии и понимании сообщения на исходном языке, при формировании смысла-замысла и при реализации сообщения на языке перевода. При этом предполагается, что исследуемое взаимодействие имеет свои особенности в условиях разной направленности перевода (с родного языка на иностранный и с иностранного языка на родной).

Вполне вероятно, что на этапе восприятия речевого сообщения разный уровень понимания информации на родном и иностранном языках отражается в разных характеристиках объема ОП (в пределах магического числа Дж.Миллера 7 ± 2). Другими словами, при восприятии сообщения на родном языке понимание его смысловой стороны наступает в силу преимущественного развития внутренней речи на родном языке. Внимание переводчика сосредоточивается на плане содержания — происходит как бы расширение емкости ОП за счет перекодирования в сторону укрупнения оперативных смыслов. При восприятии же сообщения на иностранном языке возможно понимание прежде всего языковых значений и лишь затем смыслового содержания, что вызвано недостаточной сформированностью внутренней речи на иностранном языке. Здесь объектом внимания становится сначала план выражения и от него — план содержания, в силу чего объем ОП имеет, очевидно, более низкие показатели. Кроме этого, он существенно зависит от логической связности воспринимаемого сообщения, благодаря которой количество новой информации на элемент сообщения снижается.

На этапе формирования смысла-замысла или превращения чужих мыслей в свои “собственные” в ОП удерживается не только извлеченный, логически-

понятийный субстрат, так называемый “скелет информации”, но и строится прогноз относительно замысла будущего сообщения путем обращения к ДП и поиска в последней соответствующих концептуальных связей.² Учитывая, что связи, идущие в направлении от родного языка к иностранному, оказываются, как правило, более прочными, чем обратные по направлению, вполне очевидно, что усложнение указанных функций оперативной памяти будет отмечено при декодировании иноязычной информации в сравнении с декодированием русской, что в эксперименте может подтверждаться увеличением латентного времени перевода.

На этапе реализации сообщения на языке перевода оперативная память, с одной стороны, продолжает сохранять замысел будущего сообщения для сравнения со смыслом исходного, с другой же, обеспечивает активацию длительно хранимых концептуальных связей для формулирования сообщения на языке перевода. Выделенная функция контроля ОП может быть подтверждена различного рода коррекциями и поправками в речи переводчика, пытающегося исправить уже произнесенные одно или несколько слов. Успешность в той или иной степени прогнозирующей функции, связанной о приданием замыслу высказываемого вербальной формы, может выражаться в паузах нерешительности (200-250 мсек и более) как результат различной структурированности знаний в долговременном хранилище.

Эти предположения проверялись в пробном эксперименте, целью которого явилось исследование взаимосвязи ОП и ДП в процессе овладения устным переводом. В ходе эксперимента решались частные задачи взаимодействия на разных этапах овладения им. Сложность взаимодействия определялась с помощью следующих критериев: объем ОП, латентное время перевода, количество и длительность пауз нерешительности и др.

Согласно методике исследования испытуемым — 34 студентам первого, третьего и четвертого курсов английского и переводческого фа

²Под концептуальной связью понимается ассоциация между двумя точками /узлами/ в системе памяти.

культетов, которые овладевают умениями и навыками перевода, и 3-м профессиональным переводчикам-синхронистам — предлагалось воспроизвести предъявленные на слух списки изолированных слов на двух языках в следующей последовательности: с русского языка на русский, с русского языка на английский, с английского языка на русский и с английского языка на английский. Слова-стимулы предъявлялись по возрастающей, соответственно, по 5, 7, 9, 11 в ряду, причем максимальная длина ряда не выходила за пределы 11 слов-стимулов, которые в пределах этого порога легко запоминаются и воспроизводятся после однократного предъявления. Далее, испытуемым был предъявлен материал (также по возрастающей) из 6 групп структурной организации слов-стимулов одного

семантического поля, из которых конструировались полнозначные фразы на обоих языках в указанной выше последовательности. Всего было предъявлено 32 ряда слов-стимулов и получено 1136 реакций, из них 842 — сконструированные полнозначные фразы.

Процедура эксперимента включала следующие этапы:

1-ый этап — двухканальная магнитофонная запись воспроизведенных испытуемыми изолированных слов и сконструированных ими предложений из предъявленных слов одного семантического поля;

2-ой этап — получение транскриптов имеющихся магнитофонных записей;

3-ий этап — перенесение экспериментальных данных на ленту самописца;

4-ый этап — количественная и качественная обработка экспериментальных данных.

Обсуждение полученных данных позволило проследить динамику взаимосвязи речевой информации на входе и выходе в зависимости от лингвистического опыта испытуемых, совершенства их речевых навыков на обоих языках и оперативности переключения речевого внимания. Так, при восприятии информации объем ОП на родном языке оказался выше объема на иностранном языке на основании данных воспроизведения изолированных слов, а также конструирования логически завершенных фраз (при воспроизведении русских слов — 5,4, английских слов — 4,2; при конструировании фраз из русских слов — 6,7, из английских слов — 5,4). При этом логическая связность материала, имеющая место при конструировании фраз из предъявляемых слов одного семантического поля, положительно сказалась на увеличении объема ОП на обоих языках. Полученное различие объема ОП на родном и иностранном языках, очевидно, обусловлено различным характером перекодирования поступающей информации, что отражается в формировании оперативных смыслов низшего и высшего уровней. Первые — вызваны направленностью внимания на осознание языковых значений, вторые — связаны с переключением внимания на осознание содержательной стороны сообщения. Видимо, интериоризация воспринимаемой иноязычной речи — или переход внешней иноязычной речи во внутреннюю — сопровождается в большей мере формированием оперативных смыслов низших уровней в сравнении с интериоризацией воспринимаемой речи на родном языке.

Данные латентного времени в процессе конструирования фраз оказываются менее успешными, значительно увеличиваясь при декодировании информации на английском языке (6,6 сек) в сравнении с декодированием русской (5,8 сек). Возросшие при этом трудности при установлении смысла-замысла высказываемого могут быть обусловлены трудностями перехода с иностранного языка на родной во внутренней речи в силу участия последней на языке воспроизведения. Поиск концептуальных связей в ДП затягивается, процесс перевода таким образом замедляется.

Значительное количество самокоррекций отмечается на этапе формулирования фраз на английском языке в сравнении с формулированием на русском, что является результатом недостаточной представленности иноязычных знаний, хранящихся в ДП. Также имеет место большое количество пауз нерешительности при формулировании английских фраз (632 паузы общей длительностью 916,3 сек) в сравнении с формулированием русских (389 пауз общей длительностью 600,8 сек) как следствие трудностей актуализации концептуальных связей из ДП в силу отсутствия их в последней или же недостаточной их дифференцированности и, соответственно, оперативности извлечения из хранилища. Можно считать, что экстериоризация воспроизводимой иноязычной речи в сравнении с экстериоризацией русской характеризуется низкой эффективностью процессов перекодирования при переходе соответствующих оперативных смыслов внутренней речи в развернутую последовательность иноязычных комплексов внешней речи.

Данные общего темпа речи менее успешны при формулировании фраз на английском языке (2,3 слогов в сек) в сравнении с формулированием на русском (4,1 слогов в сек), что иллюстрирует недостаточную сформированность умений и навыков устной иноязычной речи, а также умений и навыков перевода.

Обсуждение других экспериментальных данных (абсолютного темпа речи, количества и процентного содержания незаконченных и бессмысленных фраз, явлений фонетического и семантического подобию, замен, опущений, добавлений и др.) также сохраняет тенденцию явного ухудшения показателей при обработке иноязычной информации на входе и выходе в сравнении с обработкой на родном языке. Кроме этого, выявляется закономерность постепенного улучшения практически всех показателей по мере перехода от первых к четвертым курсам английского и переводческого факультетов.

Таким образом, сложность взаимодействия оперативной и долговременной памяти в процессе овладения устным Переводом отражается не только в структурной психолингвистической организации его элементов, но и в темпоральных показателях динамики сканирования информации на родном и иностранном языках. При этом возрастание сложности исследуемого взаимодействия объективно отмечено при обработке иноязычной информации на входе и выходе, что предьявляет особые требования к расширению способов действия с запоминаемым иноязычным материалом при овладении устным переводом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Cartelieri C., Bsser U., Harnisch A. Zu Bedeutung und Aufgaben des Gedächtnisses beim Dolmetschen. — Fremdsprachen, Leipzig /23/ 1979, S.169—177.
2. Gerver, D. Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: A Review and A Model. — Translation. Applications and Research, New York, 1976, pp.165—207.

3. Hromosova, A. Study of Memory in Interpreting. — Acta Universitatis, Pragensis III, 1972, 17 Novembris.

4. Moser, B. Simultaneous Interpretation: A Hypothetical Model and its Practical Application. — In: D.Gerver and H.W.Sinaiko /Eds./. Language Interpretation and Communication, New York and London, 1978, pp.353—368.

Е.М. Антипенко

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ И ЯЗЫК (К ВОПРОСУ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБЩЕНИЯ)

МакЛуэн справедливо охарактеризовал современный мир при помощи термина “всемирная деревня”, подчеркнув тем самым быстрое расширение и совершенствование средств коммуникации. Стремительное развитие всемирной коммуникативной сети, резкое увеличение числа людей, мигрирующих из одной страны (и следовательно культуры) в другую, наращивание объемов услуг в туристическом бизнесе способствуют возникновению проблемы *межкультурного общения*. Интерес к межкультурному общению в Европе и во всем мире чрезвычайно велик. Данная проблема является предметом исследования не только психологов, культурологов, социологов, политологов, но лингвистов.

Известно, что развитие человеческой культуры происходит через общение и именно через процесс коммуникации культура передается из поколения в поколение. Культура и общение взаимосвязаны. Другими словами, мы общаемся именно так, а не иначе, потому что мы выросли в определенной культуре, овладели ее языком, правилами и нормами поведения. Таким образом, “под коммуникативным поведением в самом общем виде предлагается понимать реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности” (Стерлин, 1996:97). Как достаточно точно отмечает Е.М.Тарасова, межкультурное общение можно назвать новой онтологией анализа языкового сознания; при этом, “межкультурное общение целесообразно понимать как общение носителей разных культур (и обычно разных языков)” (Тарасова, 1996:7). Общение (акт коммуникации) является “продуктом как внешних явлений, так и внутреннего ментального состояния” (Miller&Stemberg, 1975:38).

Понятие “процесс общения” связано с понятием “концептуальные фильтры”. То есть одна и та же вербальная или же невербальная информация может быть пропущена через различные концептуальные фильтры, и следовательно, декодирована по-разному.

Следует отметить, что процесс межкультурного общения (как впрочем и процесс интракультурного общения) испытывает влияние культурного, социо-

культурного и психокультурного факторов. К культурному фактору необходимо отнести черты культурных различий (например, индивидуализм-коллективизм), культурные ценности, правила и нормы общения. Социокультурный фактор подразумевает нашу соотнесенность с той или иной социальной, возрастной или же половой группой. Психо-культурный фактор непосредственно связан с нашими оценками, стереотипами и предубеждениями. Нетрудно заметить, что слово “культурный” присутствует в названии всех трех факторов, и это, разумеется, не случайно. И.А.Стерлин определяет межкультурную коммуникацию как “процесс непосредственного взаимодействия культур, а весь процесс такого взаимодействия осуществляется в рамках несовпадающих (частично, в существенной степени, а иногда и полностью) национальных стереотипов мышления и поведения, что существенно влияет на взаимопонимание сторон в коммуникации” (Стерлин, 1996:97). Приведем пример различий в интерпретации одного и того же сообщения в процессе общения работодателя из США и одного из его служащих из Греции. Для работодателя-американца является нормой поощрение инициативы служащих в принятии решения, в то время как подчиненный-грек просто ожидает прямых указаний от своего босса, что является нормой в Греции.

Сообщение

Am.: How long will it take you to finish the report?

Декодирование сообщения

Am.: I asked him to participate.

Gr.: His behavior makes no sense. He is the boss. Why doesn't he tell me.

Очевидны различия в когнитивных процессах у различных представителей культур. Следуя за И.А.Стерлиным, отметим, что коммуникативное поведение имеет “национально-специфический характер”; “...неадекватное восприятие коммуникативного поведения одного народа другим народом создает зону непонимания, нарушает коммуникацию и даже может приводить к возникновению межличностных и межэтнических конфликтов” (Стерлин, 1996:98). В связи с этой проблемой необходимо упомянуть понятие “коммуникативная компетенция”, т.е. обладание определенными социо-, психо- и культурно-лингвистическими знаниями, необходимыми в трактовке тех или иных норм различных коммуникативных ситуаций. Обратимся к подробному рассмотрению коммуникативных характеристик.

А. Ограниченный и развернутый код

Многие лингвисты стремятся найти универсальную теорию, способствующую более глубокому пониманию речевого поведения представителей различных культур. Интересно деление, предложенное Бернштейном, который утверждает, что наша речь необходимо обусловлена социальным контекстом, и опираясь именно на эту предпосылку можно выделить так называемый ограниченный код (restricted

code) и развернутый код (elaborated code) (Bernstein, 1966). *Ограниченный код* подразумевает использование вербального и нон-вербального (интонация, мимика, жесты) каналов передачи информации. При использовании ограниченного кода делается основной акцент на скрытые, не столь очевидные черты социального контекста, такие, как отношения коммуникантов, физические и психологические условия коммуникации и т.д. Ограниченный код можно назвать “телеграфическим”. Например, людям, имеющим определенное количество общих знаний, достаточно лишь краткого упоминания, чтобы понять, о чем идет речь. На вопрос "Tom, how was it?" может последовать незамедлительный ответ Тома без предварительного уточнения, что именно спрашивающий подразумевает под "it". Человек со стороны едва ли способен дать ответ на данный вопрос из-за отсутствия определенного общего знания. Жаргон, используемый различными социальными группами (носителями различных субкультур), так же может быть отнесен к ограниченному коду. Большинство восточных языков (китайский, японский, корейский) представляют собой пример ограниченного кода.

Говорящий, использующий развернутый речевой код, практически не берет во внимания нон-вербальные или какие-либо иные контекстуальные факторы. Передача новой информации осуществляется с использованием вербальных средств общения. Давняя традиция изучения риторики в странах Северной Америки и Западной Европы демонстрирует важность, придаваемую вербальным сообщениям. Данная традиция отражает особый тип мышления, присущий представителям этих культур: логический, рациональный и аналитический. В европейской и евро-американской культурной традиции речь рассматривается как более или менее независимая от ее коммуникативного контекста¹. Основная функция речи в данной языковой традиции заключается в выражении тех или иных идей и мыслей как можно яснее, точнее, логичнее и убедительнее, так, чтобы говорящий мог полностью выразить свою индивидуальность и способность воздействовать посредством убеждения на других людей. Следует особо подчеркнуть, что в коллективистском типе культуры риторика в качестве отдельной дисциплины на была столь полно разработана как это имело место в индивидуалистском культурном типе. Например, отношение к речи и риторике в азиатских культурах (преимущественно коллективистской ориентации) можно определить как схоластическую: слова — лишь части целого коммуникативного контекста, включающего характеристики социального статуса сторон, осуществляющих коммуникацию и их социальные отношения. Это, однако, вовсе не означает, что в

---

¹ Хотя стоит заметить, что наличие прагма-лингвистического контекста обязательно во всех коммуникативных ситуациях. Само понятие “контекст” понимается нами как комплекс языковых и неязыковых явлений, получающих свое отражение на вербальном и невербальном уровнях.

азиатских культурах слова рассматриваются как нечто менее важное нежели, чем в европейской. Более того, именно в азиатских культурных системах вербальное сообщение трактуется как важная и неотъемлемая часть всего процесса коммуникации, неразрывно связанная с такими понятиями, как этика, психология, политика, социальные отношения и т.д. Данный схоластический подход (целое важнее его составляющих) к речи и процессу коммуникации характеризуется еще и тем фактом, что вербальное сообщение выполняет функцию привнесения социальной интеграции и гармонии в общество нежели демонстрации индивидуальности коммуникантов или для достижения определенных личностных целей говорящего. Диалог в идеале, согласно такому подходу, имеет целью достижение социальной гармонии, а не самоудовлетворение отдельных сторон, что естественно лишает его ярковыраженной аргументации и убедительности.

Легко заметить, что именно в коллективистском типе культуры все ограничения и различные социальные предубеждения явно отражаются в структуре языка. В отличие от культурных традиций, не столь зависимых от социального контекста и придающих большее значение словам, ориентация контекстуально-привязанных культур характеризуется определенным недоверием к словам как таковым. Слова только тогда рассматриваются как значимый инструмент человеческой мысли, когда они подчинены определенным ограничениям. В восточной культурной традиции огромное значение отведено интуиции, поэтому понятие интуиции следует рассматривать как основное в речевой коммуникации данной группы языков. Как отмечает японский исследователь Йошикава, комментируя японский стиль речевого общения, “то, что часто выражено языковыми средствами и то, что в действительности подразумевается — две разные вещи. То, что выражено языковыми средствами, возможно, действительно важно в создании дружеской атмосферы, и это то, что обычно обозначено словом "tatame" и (“в принципе”), но то, что действительно имеется ввиду, но не выражено через вербальный канал общения и является тем "honne" (“подразумеваемое в действительности”)”. Несмотря на то, что истинный смысл не выражен вербально, подразумевается его понимание через "kan" (“интуиция”) (Yoshikawa, 1978:228). В определенных азиатских языках таких как, например, китайский, японский, корейский, в самой языковой структуре уже заложена двусмысленность общения. Известно, что японский язык сам по себе с точки зрения логики широк в понятийном смысле: люди могут говорить часами, так ясно и не сформулировав их мысль (Morsbach, 1976). Интересно, что даже в обычном разговоре японец может ответить "hai" (“да”), вовсе не подразумевая согласие. Часто "hai" употребляется говорящим и соответственно воспринимается слушающим как “Я понимаю, что Вы говорите”. Иллюстрируя культурные различия прямой и не прямой формы общения, Окабе сравнивает особенности вербальной коммуникации в США и Японии. Американцы предпочитают использовать в процессе общения такие категоричные слова, как "ab-

solutely", "certainly", "positively". Английский синтаксис диктует использование "I" в большинстве случаев в начале предложения, подчеркивая тем самым преобладание индивидуализма как социо-культурной черты в структуре языка. Туда же можно отнести и главенствующую роль в предложении субъекта и объекта. Напротив, стиль общения в японской культуре связан с определенными ограничениями эксплицитного выражения индивидуальности говорящего. Неудивительно, что японцы, владеющие английским языком, достаточно часто используют такие смягчающие категоричность высказывания слова, как "maybe", "perhaps", "probably", "somewhat" и т.д. Поскольку синтаксис японского языка не требует обязательного употребления субъекта в предложении, основной синтаксической формой связи является квалитативно-предикативная.

В связи с этим возникает еще одна любопытная проблема, а именно — соотношение “разговора” и “тишины” (или “молчания”). В европейской традиции общения разговор является средством социального контроля, в то время как восточный тип культуры (например, китайской) воспринимает молчание как стратегию контроля над собеседником. Далее уместно привести цитату Триандиса, соотносящего эти различия в стиле языкового общения с различиями в типах культур — коллективизмом и индивидуализмом²: “Представители культуры, где индивидуализм является одной из главных черт, говорят больше, стараясь тем самым контролировать ситуацию общения, они не ценят тишину” (Triandis, 1988:11). В сравнении с азиатским или арабским стилем общения вербальная коммуникация в США и Западной Европе характеризуется как более определенная и прямая; молчание в межличностном общении избегается. Приведем еще один иллюстративный пример. Отмечается, что американцы чувствуют себя обязанными давать комментарии в той или иной ситуации общения. Например, во время трапезы необходимым представляется такие фразы как "Oh, this is delicious" (“О, это очень вкусно”) или “My compliments to the chef” (“Мои комплементы повару”), или же "Where did you get this marvelous recipe?" (“Где Вы взяли столь замечательный рецепт?” и т.д. Азиаты, не привыкшие к такого рода репликам, могут закономерно отреагировать, назвав американца "big mouth" (“болтун”) (Cheng, 1974).

Культурные различия, играющие важную роль в отношении индивида к социальной роли и статусу, также определяются в языке. Известно, что английский язык имеет репутацию языка, ориентированного на личность: в то время, как японский — языка, ориентированного на социальный статус.

---

² Коллективизм является характерной чертой восточных социо-культурных систем, тогда как индивидуализм в той или иной степени присущ культурам западной цивилизации. Евро-американская культура обладает, пожалуй, наиболее ярко выраженной индивидуалистской культурой.

В. Стратегии убеждения

Важным аспектом вербальной коммуникации является стратегии убеждения, используемые в различных социально-культурных системах. Парсон выделяет два основных стиля убеждения. Один из них — индуктивно-фактический стиль (a factual-inductive style of persuasion), т.е. стиль, построенный на фактах и на выводах, исходящих из них. Следующий стиль убеждения определен как аффективно-интуитивный (an affective-intuitive style of persuasion), т.е. коммуникант использует аффективные, эмоциональные высказывания, цель которых убедить собеседника в своей правоте. При исследовании различий этих двух стилей в различных культурах, мы приходим к выводу, что представители так называемых коллективистских культур принимают во внимание контекст общения и используют стратегии убеждения, соотносящиеся с тем или иным контекстом. Носители индивидуалистских культур наоборот концентрируют свое внимание на человеке, которого они ставят целью убедить в чем-либо, и стратегия может казаться не адекватной с точки зрения социо-ситуативного контекста (Gudykunst&Ting-Toomey, 1988). Проиллюстрируем этот тезис (а) на материале сравнения двух культур и (б) на материале изучения стратегий убеждения среди этнических групп в Соединенных Штатах. Японские исследователи сравнивают стратегии, используемые в корпорациях в США и Японии для убеждения своих подчиненных. Первая представленная ситуация отражает, как тот или иной менеджер последовательно склоняет своего служащего изменить его поведение. Менеджер из японской корпорации делает упор на сознательность — “обязанность” (“duty”) подчиненного: "It is your duty as a responsible employee of this company to begin work on time". Американец предпочтет стратегию угрозы ("threaten"): "If you don't start reporting to work on time, I will have no choice but to dock your pay"; или же просто поставит ультиматум ("ultimatum") : "If you can't come to work on time, go find yourself another job". Вторая ситуация в данном исследовании показывает, каким образом те же менеджеры пытаются вызвать инициативу у своих подчиненных. Менеджер-японец предпочтет использовать стратегию “альтруизма” (“altruistic strategies”): "For the sake of the company, please share your ideas and suggestions with us" или же призовет своего служащего к добросовестности: "Remember that it is your duty as a good company employee to suggest how we can improve the overall performance of the company". Менеджер-американец отдаст предпочтение иной стратегии, а именно “прямой просьбе” (“direct request”): "I want you to feel free to come to me with any ideas you have for improving the company", либо стратегии “обещания” (“promises”): "Don't hesitate to offer ideas and suggestions because we always reward good suggestions", возможна и стратегия “заискивания” (“ingratiate strategy”): "You are one of our best people and I really value your judgment, so please feel free to come to me with ideas you have".

Подводя итог всему выше сказанному представляется необходимым отметить, что теоретические разработки, сделанные известными лингвистами Сепиром и Уорфом, являются своеобразным предупреждением об ошибке восприятия языка только как средства передачи наших мыслей и чувств. Язык, несомненно, является более широким понятием. Язык — культурообусловленное явление, именно в языке отражены основные ценности той или иной культуры. Овладевая языком, мы овладеваем культурой, которая в свою очередь, влияет на наше восприятие, образ мышления и поведения.

Библиография

1. Стерлин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. // Этнокультурная специфика языкового сознания. Российская Академия Наук. Язык языкознания. М., 1996. С.97—113.
2. Тарасова Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. Российская Академия Наук. Институт языкознания. М., 1996.
3. Cheng, A. Clashes in courtship across cultures. East-West Center Magazine. 1974, summer, pp. 11—12.
4. Gudykunst, W.B., & Young Yun Kim. Communicating with strangers: An approach to Intercultural Communication. McGraw-Hill, Inc. 1992.
5. Gudykunst, W.B., & Ting-Toomey, S. Culture and interpersonal communication. Newbury Park, CA: Sage Publications. 1988.
6. Hirokawa, R., & Miyahara, A. A comparison of influence strategies utilized by managers in American and Japanese organizations. Communication Quarterly, 1986, 34, pp. 250—265.
7. Miller, G., & Steinberg, M. Between people. Chicago: Science Research Associates. 1975.
8. Okabe, R. Cultural assumptions of East and West: Japan and the United States. In W.Gudykunst (Ed.), Intercultural communication theory: Current perspectives. Beverly Hills, CA: Sage Publications. 1983.
9. Shouby, E. The influence of the Arabic language on the psychology of the Arabs. In A.Lutifiyya & C.Churchill (Ed.), Reading in the Arab middle eastern societies and cultures. The Hague: Mouton. 1970.
10. Triandis, H.C. Collectivism vs. individualism. In G.Verma & C.Bagley (Eds.), Cross-cultural studies of personality, attitudes, and cognition. London: Macmillan. 1988.
11. Yoshikawa, M. Some Japanese and American cultural characteristics. In M.Prosser, The cultural dialogue. Boston: Houghton Mifflin. 1978.
12. Yoshikawa, M. Cross-cultural adaptation and perceptual development. In Y.Kim & W.Gudykunst (Eds.), Cross-cultural adaptation. Newbury Park, CA: Sage Publications. 1988.

Л.Б. Бойко

АНТРОПОНИМ КАК ОБЪЕКТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Нескончаемым кажется спор о том, кого же к кому переводчик, перефразируя известное высказывание Ф. Шлейермахера (8), должен привести в гости: автора к читателю или наоборот? То есть должен ли переводчик максимально “одомашнить” (“domesticate”) перевод, тем самым сделав его “прозрачным” (“transparent”), а собственную роль — “невидимой” (“invisible” — терминология Л. Венути (II)? Таковым, в частности, было кредо Ю.Найды, который утверждал, что переводчик должен “суметь раздвинуть шторы языковых и культурных различий, чтобы людям была ясна значимость идеи оригинала”. (7, с. 14. — Перевод мой.) Начиная со Шлейермахера, немало сторонников приобрела и противоположная теория, “foreignising translation”, — и не без убедительных на то оснований.

Представители обеих точек зрения кажутся непримиримыми противниками, но поскольку в конечном итоге цель у них одна — качественный перевод, — выбор стратегии будет определяться не столько приверженностью тем или иным принципам, сколько глубиной лингвистического, культурологического и герменевтического толкования текста. Весьма своевременно напоминает о роли герменевтики в отыскании “такого неявного, неочевидного, а в какой-то мере и латентного” смысла Е.С.Кубрякова, которая считает, что “расширение границ герменевтики должно было бы привести к более глубокому пониманию разнообразия и многообразия тех аспектов бытия текста, которые изучаются филологически” (1, с. 22). Герменевтическое толкование переводимого на иностранный язык текста находится в фокусе внимания современных переводологов Запада (9,10, II).

Будучи подчинено новым прагматическим задачам, в сложную сеть взаимоотношений со смыслами текста вступает имя человека. Культурный пласт, который представляет антропоним, может оказаться настолько глубоким, что даже для читателя на родном языке требуется толкование (см., например, Ю.Лотман — 2). Не случайно антропоним выступает как одна из сложных и до сих пор спорных ономастических единиц в переводе. С одной стороны, антропоним — это автосемантический элемент текста, который в переводоведении традиционно рассматривается в разряде безэквивалентной лексики. С другой стороны, именно лакунный характер антропонима в переводе обуславливает стремительный рост его контекстной зависимости, причем это происходит пропорционально стилистической релевантности ономастической единицы в тексте.

При всей условности ономастической единицы как языкового знака, нельзя игнорировать и тот факт, что, давая нам имя, родители нередко вкладывают в него свои ассоциации или представления о нашем предназначении. Анализируя роль имени в художественной литературе, об этом справедливо напоминает Д.Лодж (6), современный английский автор и литературный критик. “Фамилии же, — пишет далее Д.Лодж, — обычно воспринимаются как условные знаки, независимо от того значения, которое они когда-то несли. Мы не считаем, что наш сосед г.Шепард должен пасти овец (shepard — пастух — вот и переводческая проблема! Прим. мое) и не связываем его фамилию с родом занятий. Если же он — персонаж романа, то его имя неизбежно вызовет пасторальные или библейские ассоциации”. Можно не соглашаться с некоторыми категоричными суждениями Д.Лоджа (“В романе имена никогда не бывают нейтральными” — там же, с. 37; перевод мой), но с его центральным тезисом о том, что имя в художественном тексте реализует заложенный в нем семантический и прагматический потенциал, — иной и иначе, чем в повседневном общении, — не считаться нельзя. Именно в художественном тексте имя или продуманная автором целая система имен участвует в создании смысла текста. И если в ономастике принимается, что имя в нашей повседневной жизни практически десемантизировано, то, входя в другую условность — художественный текст, — антропоним, как и все остальные элементы текста, дает читателю повод “подозревать” его в неслучайности его появления. Имена в художественном произведении образуют антропонимический герменевтический круг, без интерпретации которого попытка проникнуть в глубинный смысл текста становится бессмысленной.

Непреодолимость культурных различий усугубляется в переводе имени человека еще и большой вариативностью морфологических форм антропонима (например, в русском языке), и жесткостью функциональных и пространственных рамок. Нельзя утверждать, что стилистическая роль антропонима превалирует над идентификационной в подавляющем числе художественных текстов, но там, где это случается, традиционных средств передачи антропонима в тексте перевода бывает недостаточно. В задачу контрастивного исследования в этом случае входит всесторонний анализ статуса ономастической единицы в конкретном контексте. В ограниченных рамках данной статьи рассмотрим лишь несколько элементов того герменевтического круга, который способна создать система имен собственных в социально остром и глубоко психологичном художественном произведении — романе Тони Моррисон “Возлюбленная” (перевод И.Тогоевой). В заглавие романа “Beloved” вынесено необычное имя необычного персонажа — юной девушки-привидения, которая приходит в дом своей матери, много лет назад убившей ее, свою крошечную дочь, при побеге от рабовладельца, чтобы только та, как и мать, не стала рабыней. “Возлюбленная” — это единственное слово из библейской фразы “Возлюбленная дочь моя”, для начертания которого на могильном камне хватило

материнской платы собственным телом. Платы хватило на семь букв: Beloved (в оригинале; соответственно, на десять — в переводе).

Именно перевод, а не традиционная транскрипционная методика позволяет переводчику сохранить у имени как его смысловую нагрузку, так и несвойственную для антропонима форму отглагольного прилагательного. Если принимать во внимание теорию звукового символизма, то по счастливому совпадению благозвучность имени, как в оригинале, так и в переводе создается за счет согласных звуков б, л, д, в, н, несущих набор положительных признаков из серии “светлый, легкий, звонкий” в сочетании с гласными а, и, ю.

Совершенно неожиданно, однако, в переводе этого имени переводчик позволяет себе некоторую вольность, вводя свой сокращенный вариант имени оригинала — Бел. Появление такого имени в тексте без пояснительной сноски невозможно, так как оно не имеет ничего общего с русским вариантом имени Возлюбленная ни в семантическом, (а в данном случае имя семантически полнозначно), ни в фонеморфологическом плане. В оригинале автор не прибегает к сокращению имени. Можно попробовать объяснить такое нововведение в переводе тем, что в русском варианте имя состоит из пяти слогов (переводчик решил, что это громоздко?), тогда как в английском — из трех, а общая тенденция к употреблению кратких имен среди близких людей наблюдается и в английском, и в русском. Но уравнивает ли интимность звучания нового имени ту возвышенность и даже сакральность, которую оно приобретает в контексте оригинала? Пожалуй, нет. Имя Возлюбленной, однако, — это окказиональная ономастическая единица, заимствованная в разряд антропонимов в силу своей семантической и прагматической полнозначности для экстраполяции имплицитированных смыслов в идейную ткань повествования. Другие имена главных героев романа, имея более конвенциональную форму, не менее отягощены смыслом и поэтому осложняют поиски переводческих решений. Героиню романа, беглую чернокожую рабыню, обреченную страдать от воспоминаний, от чувства вины и стыда и от безмерной любви, зовут Sethe. Имя это опять изобретено автором путем добавления *-e* к реально существующему мужскому антропониму. Ветхозаветное имя по-русски звучит как Сиф и принадлежит третьему сыну Адама и Евы, от которого происходят все народы. Если обратиться к ветхозаветным легендам о Сифе, то в одной из них он предстает как мессия, оставивший свое знание для потомков на двух стелах — каменной и кирпичной, способных пережить пожар и потоп; в другой Сиф получает от ангела “ветвь радости”, в которой умирающий Адам узнает ветвь от древа познания добра и зла. Во всех мифах он предстает как архетип непорочной человеческой души, тот, кто учит человечество жертвоприношению (3, с.440).

Для англоязычного читателя не составляет труда установить источник происхождения имени героини и, соответственно, определить его место в системе

ценностей романа. Очевидно и назначение конечного *-e*: этот формант не только изменяет половую принадлежность имени, но и свидетельствует о преднамеренности введения этого антропонима в роман (иначе можно было бы воспользоваться любым другим женским именем, не прибегая ни к каким трюкам). Ассоциации, возвышающие образ героини по имени *Sethe*, прослеживаются и в семиотике романа: стелы Сифа с пророческими надписями — могильный камень с посланием любви дочери(?). Идеи добра и зла, искупления греха, жертвоприношения, свободы и любви неизменно находят свои корни в религии.

Как следовало передать имя героини романа на русский язык? В исследуемом варианте перевода применяется способ комбинирования транслитерации и транскрипции. Основные правила передачи ономастических (неполнозначных) единиц требуют либо применения транскрипционно-транслитерационного метода, либо передачи в соответствии с традицией, — и именно последний способ применяется при переводе священных текстов, так как имя из такого текста должно быть безошибочно узнаваемым. Следовало ли переводчику взять за основу имя Сиф? Некоторое время назад, когда у русского читателя не было ни возможности, ни даже стимула получить религиозные знания, усилия переводчика по восстановлению затекстовых ассоциаций были бы растрчены впустую; сейчас же очень обидно терять целый пласт импликаций, которые несет имя в оригинале.

Явный социальный подтекст лежит в основе трех имен мужчин-рабов: *Paul Garner A*, *Paul Garner D*, *Paul Garner F*. Идентичные фамилии негров-рабов указывают на их принадлежность одному белому хозяину, мистеру Гарнеру. Личные имена чернокожих, не состоящих в родстве, были явно даны хозяином по принципу экономии усилий: одно имя на всех, со всей очевидностью призванное выполнять исключительно номинативную функцию. Имя персонажа в данном социальном контексте становится нарицательным, и единственным элементом в двусоставных именах, отличающим рабов друг от друга, — элементом, действительно несущим идентификационную нагрузку, — становится заглавная буква. Если опустить имя хозяина, (что и делается на протяжении всего романа), то в соответствии с антропонимической моделью “имя — фамилия” заглавная буква выполняет роль фамилии. Читатель оригинала без труда угадает начальные буквы латинского алфавита в составе личных имен рабов, а герменевтический анализ текста подскажет, что выпавшие из этого ряда буквы *B*, *C*, *E* наверняка ранее принадлежали погибшим или проданным рабам этого хозяина. Алфавитная последовательность трех оставшихся букв в сочетании с именем *Paul* акцентирует классовую принадлежность людей черной расы, словно клеймом помеченным буквами алфавита вместо фамилии. При переводе такого случая онимизации букв латинского алфавита игнорирование герменевтического толкования приводит к ошибке в выборе переводческих средств и в результате — к утрате всей социальной имплицированности данных ономастических единиц. Так, в данном контексте

транскрибирование английских букв повлекло за собой полную потерю их смысловой нагрузки. В русском варианте имена звучат как Поль Эй, Поль Ди, Поль Эф, что не позволяет усмотреть никакой связи между вторыми компонентами двусоставных имен. Более того, элементы Эй, Ди, Эф воспринимаются русским читателем просто как иноязычные фамилии или клички. Смысловая компенсация несомненно состоялась бы, если бы переводчик прибег к транслитерированию — тем более, что русский алфавит предоставляет такую возможность. Подтверждением догадки о номенклатурном характере имен рабов служит еще один эпизод романа. В нем беглый раб Sixo (Сиксо в переводе), заживо сгорая на костре, выкрикивает "Seven — O!", радуясь тому, что женщине, которая носит под сердцем его ребенка, удалось убежать. "Seven — O" — "Семь O" — это имя того, кто придет за ним, "Six — O" — "Шесть — O". В переводе читатель найдет сноску, объясняющую загадку этих имен. Можно ли было найти способ остаться в рамках авторской социально детерминированной системы имен, учитывая их условность, семантическую наполненность и прагматическую значимость? В последнем примере напрашивается вариант Шесть, что по форме и по содержанию адекватно имени в оригинале. Оно звучит не более странно, чем имя в английском варианте, и не более странно, чем любые другие иноязычные имена звучат для русского уха. При таком переводе пропадает нужда в пояснении, так как в контексте романа ситуация описывается достаточно подробно, чтобы русский читатель смог узнать в необычной на первый взгляд фразе Семь — O имя будущего сына погибшего, но не сломленного духом раба. Таким образом, в романе создана целая система антропонимического кодирования фоновых знаний. По аналогии с ономастическим пространством А.Суперанской (5), можно, пожалуй, говорить о некоем замкнутом в рамках одного произведения антропонимическом герменевтическом пространстве или коде, без разгадки которого перевод не вскроет заложенные автором дополнительные смыслы. Результаты контрастивного анализа антропонимов, традиционно имеющих статус автосемантических лексических единиц в переводоведении, подтверждают справедливость герменевтических воззрений на переводческий процесс. Для воссоздания мысли на другом языке необходимо сочетание глубинного анализа смыслов исходного текста с поиском средств выражения этих смыслов. Наряду со счастливыми случаями достижения адекватности в воспроизведении роли данного сегмента картины мира в переводном тексте повсеместно встречаются как просто переводческие ошибки, проистекающие из недооценки стилистической роли антропонима, так и имена — "черные дыры", поглощающие все дополнительные смыслы, которые они несут, в тексте оригинала.

Опыт контрастивного анализа, проведенного на материале оригинала и перевода романа Тони Моррисон "Возлюбленная", еще раз доказывает необходимость герменевтического подхода к переводу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кубрякова Е.С. Текст и его понимание \ \ Русский текст. - №2. — 1994.
2. Лотман Ю.М. Пушкин. — С.-Петербург: Искусство — СПб, 1995.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия. — М: Советская энциклопедия, 1992.
4. Моррисон Т. Возлюбленная.\ \ Иностранная литература. —№12. 1994.
5. Суперанская А.В. Теория и методы ономастических исследований. — М.: Наука, 1986.
6. Lodge, D. The Art of Fiction. — London: Penguin Books, 1992.
7. Nida, E.A. . Toward a Science of Translating. — Leiden: Brill, 1964.
8. Schleiermacher, F. On the Different Methods of Translating. \ \ Theories of Translation. An Anthology of Essays from Dryden to Derrida. — The University of Chicago Press, 1992.
9. Snell-Hornby, M. Translation Studies. An Integrated Approach. — John Benjamins Publishing Company: Amsterdam\Philadelphia, 1995.
10. Steiner, G. After Babel. Aspects of Language and Translation.— Oxford University Press: London, 1975.
11. Venuti, L. The Translator's Invisibility. — London and New-York: Routledge, 1995.

С.И. Болдырева, М.В. Болдырева

ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНЫЙ ЯЗЫК

История развития лингвистики — это история смены парадигм — периодов специализации на объекте исследования с целью более глубокого его изучения и описания. Так, например, Ю. Степанов¹ выделяет семантическую, синтаксическую и прагматическую парадигмы, а Ю. Караулов² прослеживает четыре парадигмы: история, психология, системно-структурная парадигма и социальная.

Исследование коммуникативной функции языка сформировало коммуникативно-прагматическую парадигму. Последнее десятилетие отмечено активной разработкой когнитивной лингвистики, что позволяет говорить о когнитивной парадигме. Наряду с очевидными достижениями и преимуществами такой специализации это приводило к определенной ограниченности и односторонности. На современном этапе развития лингвистики наметилась и развивается тенденция к интеграции не только отдельных дисциплин в рамках одной науки, но и различных областей знаний. Такой междисциплинарный охват явлений представляется весьма плодотворным и позволяет говорить о полипарадигматизме как о ведущей тенденции в лингвистике.

В целом же, смена “вех” и ценностных ориентиров свидетельствуют о гуманизации лингвистики, более полном учете проявления человеческого фактора в языке исследовании языка, а также как живой адаптивной системе, в сложной опосредованной форме отражающей вечноменяющуюся картину мира и являющейся средством формирования определенной картины мира у носителей языка данного социума.

Такой подход к явлениям языка и речи соотносится с когнитивно-социальной парадигмой, где одной из ведущих можно считать социальную функцию языка, когда язык становится “главным медиатором” социальной цели. На необходимость учета социального фактора и социального контекста в языке указывал еще Э. Сапир, говоря, что лингвистика, во-первых, социологическая наука³. Косвенно даже Н.Хомский, говоря об асоциальной лингвистике, которая предшествует любой другой лингвистике, признавал связь между языком и обществом, утверждая, что еще преждевременно делать какие-либо окончательные выводы⁴. Дальнейшие исследования в этом направлении привели к полному признанию постулата о том, что между языком и речью всегда обнаруживается социальная структура. Однако не было единого мнения по вопросу относительно того, социальные ли факторы определяют лингвистическое поведение (социально-культурные нормы) или лингвистические нормы / ограничения (речевые конвенции) формируют социальное поведение. В последствии в зависимости от объекта исследования сформировались социолингвистика, изучающая язык в его связи с обществом, и социология языка, изучающая общество через языковые проявления. Наряду с этим также существует подход, признающий факт взаимного воздействия речевого и социального поведения. Необходимо лишь оговориться, что в данном случае мы говорим о языке как о системе, отражающей, на определенном временном отрезке, культуру определенного языкового социума с присущими ей особенностями, что позволяет проследить общую природу лингвистически выраженных социальных ценностей и выделить национально-культурный компонент. Все вышесказанное весьма созвучно прагмалингвистическим постулатам о прагматической сущности коммуникативного акта, заключающегося в стремлении оказывать воздействие на систему ценностей получателя, в построении в его когнитивной системе определенной картины мира и, тем самым, к управлению человеческим поведением (регуляторная функция). В основе акта коммуникации лежит мотивированный выбор речевых средств, (“упаковки”) соответствующих цели коммуникации, в различных языковых социумах социально-культурные нормы и требования к “упаковке” высказывания различны. Это обусловлено историей, культурой, степенью его демократизации общества, уровнем развития речевого этикета и другими экстралингвистическими факторами. Понятие социокультурной речевой нормы отражает общественные конвенции. Однако, в целом, следует согласиться с мнением Дж. Фирса⁵,

утверждающим, что беседа — гораздо более жестко предписанный ритуал, ограниченный конвенциональными нормами, чем это принято считать. Но эти нормы не есть нечто застывшее, они могут меняться и адаптироваться в соответствии с меняющимися, в частности, социокультурными нормами данного языкового социума. Таким образом, само существование некоего “контракта” по ведению беседы и правилам речевого поведения, позволяет проследить связь между социальными ограничениями и соответствующими речевыми способами их выражения.

Демократизация общества, повышение социальной ответственности и мотивированности при выборе “упаковки” высказывания способствовали развитию движения за “вербальную гигиену”, к частному проявлению которой можно отнести широкий слой лексики, обобщенно называемой политически корректным языком (ПК). Появление этого концепта связано с движением за равноправие национальных меньшинств (небелого населения США) в 1960-е годы, когда прогрессивная общественность выступила против употребления слов типа *nigger*, *coon*, которые имели ярко выраженную отрицательную оценку. Затем уже в 80-е годы в недрах американских университетов началось движение за право небелых писателей и женщин-писательниц полноценно представлять себя. Таким образом, феминистский и сексистский акценты вышли на первый план, хотя борьба феминисток против сексизма в языке имеет в американской культуре более давние и глубокие корни. Сначала географически борьба за ПК была почти чисто американским явлением. Журнал *New York Magazine* (21 Jan. 1991) определил ПК как “новый фундаментализм”. Новые фундаменталисты были эклектической группой, куда входили феминисты, радикальные гомосексуалисты, марксисты, сторонники этнического равенства и др. Всех их объединяло убеждение, что американское общество — безнадежно расистское, общество неравенства мужчин и женщин. Это само по себе свидетельствовало о прогрессивной борьбе за плюрализм. В основе этого движения лежали идеи о том, что если установить жесткие социальные нормы поведения и языковые ограничения, это изменит отношение к самому предмету дискуссии. Движение достигло такой силы, что Дж. Буш назвал это “новой истерией”.

Сейчас этот термин приобрел иронический и негативный оттенок в связи с тем, что он аккумулирует многие проблемы и конфликты нашего политизированного мира, которые не удастся решить только с помощью ограничений на словоупотребление. Следует сразу оговориться, что термин ПК страдает расплывчатостью, т.к. включает в себя целый ряд тематических полей, как например, расовые признаки, социальные различия, классовая принадлежность, сексуальная ориентация; сюда можно отнести ословливание некоторых профессий, язык политики и правительства и др. Правильней, на наш взгляд, рассматривать эту лексику с позиций эвфемизации, обусловленной социальным

заказом. Появление эвфемизмов, как правило, отражает стремление к нейтрализации неприятных явлений через смену “упаковки”. Существует множество определений эвфемизма; от: эвфемизм — язык обмана и двуличия, до эвфемизм — язык дипломатии (от греческого — хорошая, приятная речь). Само это явление афористично суммировано в каноническом эссе Дж. Орвелла по вербальной гигиене “Политика и английский язык”⁶, где автор выступил в защиту языка, который называет вещи своими именами, ясно, просто, лаконично, без завуалирования, жаргона и клише или эмоциональных и оценочных слов.

Процесс вытеснения слова, аккумулировавшего отрицательные ассоциации, и замена его на нейтральное не останавливается: после того, как это слово вновь приобрело отрицательные коннотации — опять происходит вытеснение и замена. Эти изменения отражают потребности общества, они позволяют проследить процессы перемен и выявить дополнительные социо-культурные прагматические факторы, лежащие в основе этих явлений. Наряду с общепринятыми табу у каждой нации есть свои, присущие только ей, эвфемизмы. Так, первоначально, наибольшее количество эвфемизмов было связано с ословливанием физиологических актов и с религиозными запретами. Сейчас наблюдается тенденция “смягчения” через нейтрализацию в таких тематических группах как болезни, политика, война, и др., что соответствует потребностям более развитого и цивилизованного общества. Изменилась и сама социопрагматическая мотивация, налагающая ограничения на использование определенных слов, делающая их политически некорректными. Ведущим здесь можно считать стремление к вежливому, тактичному и деликатному ословливаю. Проблема вежливости в английском языке достаточно глубоко изучена. Само понятие вежливости исторически связывается с верхушкой общества XV века “polite society” и его речевым протоком. Принцип вежливости (ПВ) в языке в разных культурах может проявляться в различной степени. Принято считать, что английский — один из наиболее вежливых языков, т.к. ПВ в нем действует сильнее, чем в других языках. Д. Лиг⁷ различает абсолютную и относительную, положительную и отрицательную вежливость, где отрицательная — направлена на минимизацию невежливых суждений, а положительная — на максимизацию выражения вежливых суждений. Таким образом, отрицательная вежливость основана на тактике уклонения (avoidance), а положительная на достижение согласия. Это весьма созвучно взглядам Брауна и Левинсона⁸, разработавших основные стратегии вежливости: как избежать нанесения ущерба достоинству (лицу) с помощью различного камуфляжа, следуя социально-предписанным нормам. В основе этих стратегий лежит принцип: “чем более непрямо, тем вежливее, т.е. все во имя сохранения “лица” и учета потребностей лица”. Аналогом этого может служить одно из правил вежливости Р. Лакофа⁹ — будь дружелюбен. Необходимо отметить, что при всем разнообразии терминов, объединяющих все эти подходы, для отрицательной вежливости, такта,

стратегии уклонения и т.д. главным является сфокусированность не на говорящем, а на объекте / субъекте, к которому обращено высказывание. Очевидно и то, что ПК лексика — суть тактики избежания (avoidance), нанесения ущерба “лицу”, с помощью которой реализуется регуляторный принцип, точнее одна из его функций — функция снятия социального напряжения.

Наибольшее количество ПК лексики связано с “зонами социальной напряженности”, а именно: с расовыми, этническими проблемами (неравенство), классовыми, культурными, социальными, статусными различиями (ословливание традиционно малопrestiжных профессий и должностей), трудовыми ресурсами и занятостью, а также с “неполитическими” сферами: семья / брак, равенство полов, возраст, внешний вид, здоровье / отклонения. При этом, наблюдения за ПК лексикой показывают, что некоторые тематические группы оказываются более многочисленными, с более развитой синонимией внутри группы. К ним, например, можно отнести ПК лексику, связанную с безработицей и находящимися за чертой бедности: self-employed, in a consultancy, developing a new project, free-lance, between jobs, resting; exceeded^ displaced, seasonal adjustment, outpaced, made redundant (because of restructuring or internal reorganization, RIF -(US) acronym reduction in force); claimants, unwaged, less fortunate, on public assistance, under low income, negatively privileged, economically disadvantaged, under-utilized, needy и др. Характерными признаками этой группы ПК лексики является стилистическая и эмоциональная нейтральность; исключения составляют слова “бюрократического аппарата” типа on public assistance, underutilized и некоторые другие, которые можно отнести к официальной лексике, но их широкое использование в бытовых контекстах, средствах массовой информации нейтрализует оттенок официальности. Слова употребляются в прямом значении, отсутствует признак родовой принадлежности, стратегия непрямого обозначения реализуется с помощью аффиксации (dis, under), сравнительной степени (less), а возможность сохранения лица обеспечивается отсутствием упоминания о факте безработицы (unemployment), создается впечатление временности отсутствия работы (between jobs, developing a new project). Необходимо также отметить, что в русскоязычных культурах для описания этого факта мы находим только: безработный, уволенный, сокращенный в связи с ... и еще меньше лексических средств в тематической группе: социально необеспеченные слои общества.

Еще одной острой проблемой, которая впервые была осознана на Западе, является проблема, связанная с эмигрантами и их статусом : guest workers, a foreign national, green carders, documented person, seasonal employers, economic refugees, culturally deprived и др. В этой группе социальная функция реализуется наиболее часто путем метонимизации (green carders, documented person и др.). Намечившаяся тенденция к переименованию ряда малопrestiжных профессий также, в своей основе, обеспечивает “потребности лица”, а именно, повышает социальную

значимость человека: sanitation engineer, waste, reduction manager, footwear maintenance engineer, dye artist (colorist), hair stylist, hairologist, nail stylist, stylist (plastic surgeon) environmental cleaners, beautician fitness coordinators institute, college — как учебные заведения для подготовки парикмахеров, автотехников и др. Ведущей тенденцией в этой группе является возвышение (elevation) с помощью как достижения большей степени абстракции (sanitation, waste reduction) и использования названий профессий (должностей) с закрепленными за ними положительными статусными значениями (engineer, manager, artist). Очень значительную группу составляет ПК лексика — названия профессий — имевшая сексистский признак. В этой группе родовой признак нейтрализован. Это стало результатом борьбы общества (Америка, Англия) за равенство полов. Можно сказать, что на уровне ословливания это равенство достигнуто: инструкции официально запрещают ранее принятые названия профессий, содержащие родовой признак* (boy, man, women, суффикс -ness, -er):

1 см. Dictionary of Occupational Terms. diningroom attendant(s) (He waiter, waitress), flight attendants, domestic helper (Am), home help (B), catering service personnee (Am), children's tutors (governess) repairers (repairman), customer service attendant и др.

Это движение в языке зашло так далеко, что те, кто возражают против нового “бесполого языка”, иронично предлагают вместо слов “королева” (король) ввести словосочетание throne person.

В результате кампании за политическую корректность в языке созданы новые слова (путем суффиксации), отражающие “зоны напряжения” bodism, hightism, ageism, disabelism, classism, heterosexism — этот список можно было бы продолжить. ПК лексика в целом свидетельствует об изменениях общества в сторону демократизации, большем уважении к личности, смягчении социальных различий. В основе ПК лексики — тенденция к возвышению, нейтрализация родového признака, описательный способ обозначения, метонимический сдвиг.

Библиографический список

1. Степанов Ю. — В трехмерном пространстве языка. М., 1983
2. Караулов Ю. — Русский язык и языковая личность. М., 1987
3. Sapir E. — The Status of Linguistics as a Science. Wandelbaum, D. G., 1929
4. Хомский Н. — Язык и мышление. — М., 1972
5. Firth J.R. The Technigues of Semantics. OUR, 1957
6. Orwell G. Politics & the English Language, n.y. 1946
7. Leech J. The principles of Pragmatics , Znd, 1983

8. Brown P. & Levingston S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge Univ. Press, 1987
9. Lakoff R. The logic of Politeness : or, minding your p's and g's in Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society, 1973.

М.А.Болотина

К ВОПРОСУ О СКРЫТЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ: ПРИЗНАК КОНТРОЛИРУЕМОСТИ В СЕМАНТИКЕ ПРЕДИКАТА

Скрытые категории можно отнести к разряду языковых универсалий, участвующих в представлении наших знаний о мире, в целом, и коммуникативной ситуации, в частности. К скрытым категориям в лингвистике относят семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящих явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенных для построения и понимания высказывания.¹ Кроме того, они оказывают влияние на сочетаемость данной лексической единицы с другими словами в предложении.

К числу вышеназванных категорий относится признак контролируемости/неконтролируемости глагольного действия, который рассматривается как неотъемлемая черта предиката.²

К настоящему моменту известны несколько различных областей применения понятия контролируемости (контроля): 1) объяснение противопоставленности определенных групп предикатов, манифестирующих особые синтаксические свойства, например, наличие признака “К” детерминирует способность глагола подчинять придаточные цели, образовывать отрицательные конструкции с императивом и др.;³ сочетаемость данного признака со словами, выражающими идею намеренного/ненамеренного действия, типа “нарочно”, “случайно”;⁴ 3) решение проблемы глагольной многозначности, в частности, предикатов пропозициональной установки⁵ и, как следствие, решение лексикографических задач.

Признак контролируемости действия (Кд) является одним из ключевых в характеристике предикатных лексем в английском языке, в связи с чем существует задача его отражения в лексикографическом описании конкретных глаголов.⁶ В этом случае Кд как глагольная характеристика противопоставляется контролируемости как характеристике ситуации в целом.⁷ Данный признак, хотя и не имеет грамматической манифестации, обуславливает специфические синтаксические свойства предикатов, отмеченные выше.

За признаком Кд фактически стоят несколько разных, хотя и близких, но не тождественных друг другу понятий: воля, каузация, намеренность, агентивность.⁸

Разнородные критерии контролируемости действия (действие в данном случае трактуется в обобщенном смысле: как прототипический референт глагольной лексемы, или как родовое понятие, объединяющее процессы, свойства, состояния и т.п.), во-первых, ведут к нестрогости определения. Во-вторых, большинство авторов при анализе контролируемости обращаются не к семантике автономной глагольной лексемы (ввиду нестабильности данного признака на референтном, а отсюда и лексическом уровне), а к структуре ситуации, в связи с чем, по существу, исследуется контролируемое/неконтролируемое “положение вещей”.⁹

Значение контролируемости как элемент лексической семантики глагола может быть определено через понятие *выбора*, предложенное И.Б.Шатуновским¹⁰, которое, как нам представляется, в конечном счете объединяет различные интерпретации: когда действие *P* или не-*P* зависит от нашей воли, а значит от нашего выбора, мы говорим, что мы можем *P*. Сравним с толкованием лексемы "will" словарем Вебстера: 1a) disposition, inclination; ... 3a) the act of choosing; ... 4a) a mental power or disposition ... manifested in such operations and functions as wishing, choosing, intending.¹¹ Отсюда возможно определение *контролируемого P* как такого, которое мы — можем выполнить — для действий, “каузировать быть” — для статических “положений вещей”.

На основании признака контролируемости действия в исследованиях, посвященных данной проблеме, предлагается различать не только контролируемые и неконтролируемые, но и частично контролируемые предикаты. Также отмечается группа действий, которые в принципе являются контролируемыми, но могут совершаться и без контроля, автоматически.

При соотнесении семы контролируемости с характеристиками различных лексико-семантических групп предикатов, а именно, предикатов действия, процесса, состояния, качества, класса и связи,¹³ обнаруживается, что все группы глаголов, за исключением предикатов состояния могут манифестировать как наличие, так и отсутствие признака Кд.¹⁴ Что касается семантики предикатов состояния, выраженных, чаще всего глаголом-связкой и предикативным элементом (be ill, be sick и т.п.), она характеризуется, например, такими особенностями, как неизменность в течение отрезка времени и страдательность субъекта-носителя признака, что соотносится со значением неконтролируемости. Кроме предикатов состояния, в группу неконтролируемых включаются глаголы непроизвольного действия (hiccup, sneeze и др.)

Особое место занимают глаголы восприятия, например, see, hear, для которых указанный признак нерелевантен, так как их семантика, на наш взгляд, не предполагает возможность выбора, поэтому: I can hear = I hear; I could see = I saw.

Зачастую контролируемость связывается с субкатегориальными значениями глаголов и, в первую очередь, со статичностью/динамичностью. Однако, признак

контролируемости/неконтролируемости действия не обнаруживает полной корреляции с его статичностью/динамичностью.¹⁵

В то же время, оба признака — статичность/динамичность и К/НК —обладают общим свойством, а именно: определенной долей неустойчивости на лексическом уровне. Признак динамичности/статичности характеризуется контекстуальной подвижностью, что может быть связано с полисемантической предикатных лексем, ср.: think (consider vs think over); expect (suppose vs wait), appear (seem vs come) и другие. Многим глаголам присуща в этом отношении двойственная природа, они в принципе могут изменять параметр динамичности и окказионально получать значение “процесса”: 16 *I understand* (*am understanding this problem / *I am understanding* my problems more clearly everyday; *John lives* (*is living) in the USA / *John is living* with his parents until he finds a place of his own.

Возможность развития во времени, связанная с динамичностью предикативного признака, соотносится с активностью субъекта действия. Действительно, статичность/динамичность предполагают соответственно неизменность/изменяемость во времени предикативного признака: "An event exhibiting little or no change over time can be termed a state while one that does change can be termed a dynamic event or a process".¹⁷ Изменяемость, в свою очередь, имплицитно подразумевает возможность выбора для субъекта действия. При этом значение динамичности не принадлежит автономной предикатной лексеме, а сообщается ей в контексте, т.е. выходит за рамки лексического уровня.

Наличие амбивалентных в отношении признака Кд предикатов может быть обусловлено, как показывает исследование, не только приобретением указанного признака (в частности, при переходе от статичности к динамичности), но и тем, что в некоторых случаях сема Кд погашается.

Это происходит, например, когда глагол употребляется для обозначения постоянного узусуального действия (в отличие от конкретного, однократного), т.е. действие, названное глаголом, получает обобщенный смысл и становится свойством субъекта. Так, предложение "The child reads" в значении “Ребенок умеет читать” отрицательно реагирует на диагностические контексты контролируемости,¹⁸ в частности, сочетание с целевой конструкцией оказывается неотмеченным: * The child reads in order to..."

Кроме того, признак Кд подавляется в случае, если в высказывании отсутствуют показатели агентивности субъекта, а именно, компоненты, указывающие на развитие ситуации, возможность выбора и, как результат, активность носителя предикативного признака. Действительно, поскольку внутренние свойства, а значит, и лексическая характеристика любого предиката, необходимо связаны с его валентностями — набором предметных переменных, признак Кд обусловлен не только собственно-лексическими особенностями глагольной лексемы, но и контролирующим/неконтролирующим характером

аргумента в позиции синтаксического субъекта, т.е. его агентивностью. Аналогичным образом, контролируемость предиката как способность определять агентивный объект действительности трактуется в работах зарубежных лингвистов.¹⁹ Таким образом, признаком Кд обладают лишь те глаголы, потенциальный аргументный набор которых характеризуется наличием агенса, к прототипическим свойствам которого относятся, по мнению Дж.Лакоффа, “намеренность”, “управление” и “основная ответственность”.²⁰ К таким глаголам не принадлежат предикаты состояний, в чью ролевую структуру может входить только страдательный субъект.

Понимание действия как агентивного соотносится с уровнем денотатов и конкретизируется в ситуации, т.е. агентивность, так же как и другие значения, связанные с контролируемостью действия, лишь потенциально задана на лексическом уровне и обусловлена параметрами контекста.

Проблема выявления признака Кд в семантика глагольной леммы далека от однозначного решения. Нестабильность контролируемости на лексическом уровне связана, во-первых, с гетерогенностью семантической структуры глагольной леммы: процессуальный референт глагола — последовательность обозначаемых им изменений реального мира — складывается из совокупности, отдельных состояний, характеризующихся в некоторых случаях значительной степенью автономности, в составе сложных глагольных значений.²¹ Во-вторых, признак Кд охватывает две группы явлений: 1) возможность выполнения действия для субъекта и 2) активный (агентивный) характер семантического актанта в роли субъектного термина, т.е. в позиции синтаксического субъекта; обе характеристики контекстно зависимы и актуализируются положительно либо отрицательно в зависимости от модели ситуации, воплощенной в предложении-высказывании.

Рассмотрение контролируемости на коммуникативном уровне показывает, что коммуникативный контроль (Кк) связан с императивной ситуацией и обозначает внешнюю каузацию действия/состояния со стороны говорящего. В этом случае адресат-исполнитель, реализующий волю говорящего, может стать агентивным субъектом неконтролируемого действия. Тогда коммуникативный контроль подавляет признак неконтролируемости предикатной леммы.

В дальнейшем представляется интересным исследовать сферы приложения категории контролируемости действия в языке и ее функционирование на различных уровнях.

Список использованной литературы.

1. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — с. 457.
2. Бацевич Ф.С. Референтная отнесенность имен субъектов и специфика проявления глагольного действия // Филологические науки. — М.: Высш. шк., 1990.

— ?5. — С70—72.; Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука, 1990. — с.84.

3. Семантические типы предикатов. — М.: Наука, 1982. — с.68—72.

4. Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1985. — с.11—12.

5. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. 1989. — С.158—160.

6. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — с. 458. .

7. Плунгян В.А., Рахилина Е.Б. Заметки о контроле // Речь: Восприятие и семантика . — М.: Ин-т язык-я АН СССР, 1988. С.40-42.

8. См., напр.: Бергельсон М.Б. Проблема контроля в побудительных высказываниях // функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч.2. - М.: Ин-т язык-я АН СССР, 1990. — С. 13—14, ; Касевич В.Б. Модальность и контролируемость // Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности / Тез. докл. конф. -Иркутск: ИПИИЯ. — Л.: Ленингр. отд. ин-та язык-я, 1990. — С.40—41. 10. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание, —с. 160

11. Webster's third new international dictionary of the English language. Unabridged. — Springfield, Mass.: Merriam-Webster Inc., 1981. — с. 2617

12. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание, там же.

13. Семантические типы предикатов. -М, 1982. — с.216.

14. Красненкова Л.И. Семантический аспект модальных глаголов в современном английском языке: Дис...канд. филол. наук. — Минск, 1987. — с.70.

15. Семантические типы предикатов. — с.68—69; Красненкова Л.И. Правомерность корреляции признаков “динамичность/статичность” и “контролируемость/неконтролируемость” в семантике глаголов // лексические единицы в синтаксических структурах/ Сб. науч. тр. — Красн-р: КГУ, 1990. - с. 92—97.

16. Quark R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. -Lond.: Longman, 1972. — с.39.

17. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect and mood. // Language typology and syntactic description. Vol III. Grammatical Categories and Lexicon. — Cambr. Univ. Press, 1985. — с.214.

18. Там же, с.215; Лингвистический энциклопед. словарь, с.458.

19. Budwig N. The linguistic marking of agentivity and control in child language // Journal of child language. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1989 — Vol. 16. — 22. — с.263—266; Givon T. Cause and control: on the semantics of interpersonal manipulation // Syntax and Semantics. Vol. 4. -N-Y., S.-Trans., Lond.: Academic Press, 1975. -с. 65.

20. Лакофф ДЖ. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. - М.: Прогресс, 1981. -с.362

21. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке: Учебное пособие к спецкурсу. — Смоленск: СГПИ, 1986. — с.6.

Л.М.Бондарева

ПРАГМАТИКА АВТОРСКОГО КОММЕНТАРИЯ В ТЕКСТАХ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В основе порождения любого текста, относящегося к традиционной “литературе воспоминаний” и обладающего ярко выраженной ретроспективной направленностью, лежит процесс творческой реконструкции повествователем фактов и обстоятельств личностного прошлого опыта. Следует отметить, что подобная адресованность авторов воспоминаний к миру собственного прошлого осуществляется ими с позиций актуального настоящего, соответствующего времени создания произведения. В результате диалогическое взаимодействие мемуариста автобиографа с окружающей его реальной действительностью находит свое прямое выражение прежде всего на уровне соотнесенности глобальных категорий “автор — читатель”.

В подобной связи уместно упомянуть факт известной двухступенчатости любой читательской аудитории независимо от характера текста, т.к. в ней всегда представлен конкретный читатель как некая преходящая величина, а в качестве непреходящей, трансвременной величины подразумевается надперсональная общность в ее всевозможных проявлениях. Таким образом, коммуникативный акт, заключающийся в передаче любого текста как вербального, графически оформленного сообщения, “стадиально расчленяется, темпорально удлиняется и неоднократно тиражируется” за счет постоянного подключения новых получателей информации (1, с. 7).

Проблема читателя как конечного пункта, художественной коммуникации довольно активно разрабатывается в отечественном и зарубежном литературоведении, однако при излишне субъективированном понимании “сотворчества читателя” процесс литературного творчества может полностью заслоняться процессом восприятия словесных произведений (ср.: концепции А.Г. Горнфельда, А.И.Белецкого. Ж.-П. Сартра, символично-кодовая теория литературы Р.Барта, теория “слоев” Р.Ингардена и др.). По мнению М.Б.Храпченко, такое “сотворчество” читателя/зрителя/слушателя скорее следует понимать не как научно обоснованное понятие, а как поэтическую метафору (2, с. 246). Однако не менее

серьезной ошибкой, была бы недооценка существенной роли фактора адресата, в ходе порождения любого типа текста.

В силу данного обстоятельства в соответствующих отечественных исследованиях выделяются реально-исторический потребитель текстовой информации, т.е. читающая публика, играющая роль арбитра, и существующее в сознании писателя, получающее отражение в произведении представление автора о своем читателе, т.е. “внутренний”, вероятный, воображаемый читатель, “идеальный” адресат. В.Е. Прозоров особо указывает на диалектический характер взаимоотношений двух указанных типов читателя: реальный читатель властно влияет на формирование образа “идеального” читателя, а тот, в свою очередь, являет собой средоточие усилий писателя для воздействия на реального читателя (3, с. 33).

Диалог автора, с “идеальным” читателем носит имплицитный характер, поскольку представление писателя о своем читателе, которому адресовано произведение и который является определенной “читательской идеей”, отражается в целом повествовании, затрагивая все структурные уровни текста. Естественно, что ориентация автора на вполне конкретную аудиторию неизбежно приводит к ярко выраженной направленности на этот известный читательский круг всего текстового целого, что, в свою очередь, проявляется в отборе писателем языковых средств, соответствующих образу его возможного читателя. Как справедливо подчеркивает Н.Д. Арутюнова, именно “удовлетворение пресуппозиции адресата” составляет одно из важных условий эффективности любого речевого акта (4, с. 358) и, соответственно, каждого текста.

Указанная адресованность повествователя к думающему читателю, являющемуся для автора достойным партнером по общению, к которому можно обращаться как к “равному”, реализуется в целой совокупности формальных и содержательных текстовых признаков.

Что касается текстов ретроспективной направленности, то здесь особой формой имплицитного диалога повествователя с “идеальным” читателем становится многообразный *авторский комментарий* в виде различного рода парентетических внесений, которые следует рассматривать прежде всего в качестве средств авторизации и средств реализации категории “образ автора”, в нашем случае — категории повествующего субъекта, идентичного реальной исторической личности автора воспоминаний. В мемуарно-автобиографических текстах такие конструкции, относящиеся к композиционным гиперсинтаксическим средствам связи, служат наглядным проявлением постоянного вторжения повествователя из актуального настоящего в претеритальный план изображенного субъекта, т.е. собственного прошлого “Я”, в функции рассказчика-комментатора, в результате чего события былого опыта подвергаются дополнительной субъективной интерпретации.

Необходимо особо указать на факт широкой употребительности парентетических внесений во всех подтипах текстов ретроспективной

направленности, а также на их явно выраженный разговорный характер, свойственный любому спонтанному, “фонтанирующему” комментарию, который наблюдается в устной речи, когда субъект речевой деятельности перебивает себя, будучи не в силах довести фразу до логического завершения под натиском постоянно приходящих на ум новых деталей, относящихся в той или иной степени к сути излагаемого.

Примером подобного ассоциативного наплыва информации в форме парентезы является фрагмент воспоминаний австрийского писателя К.Цукмайера "Wiedersehen mit einer Stadt. Aus dem Stegreif erzählt im Dezember 1968", представляющих собой “стенограмму” устного выступления автора перед своими земляками и поэтому полностью сохраняющих, все признаки публичного монологического высказывания:

Und dann haben wir uns hier getroffen und in Maxglan — *ich habe heute mittag in einer Wirtschaft in Maxglan gegessen, die heißt Gewürzmühle, und gar nicht weit davon gibt es einen Gasthof, der heißt der Ganshof* — und Im Ganshof in Maxglan, da war unsere Hochzeitsreise (5, S. 47).

В процитированном примере упоминание названия местечка, связанного с юношеской любовью повествователя, “провоцирует” писателя на включение в собственный рассказ информации о своем нынешнем посещении Максглана и связанных с этим подробностями, что ведет к появлению в авторской речи нового топонима *der Ganshof*. Дальнейшее возобновление автором прерванного пространной вставкой-отступлением повествования совершается из исходной позиции (*in Maxglan*) и уже более четко локализованной в пространстве и обогащенной за счет информативного потенциала парентетического внесения */im Ganshof in Maxglan*).

К рассматриваемому типу парентез, обладающих подчеркнuto разговорной стилистической окрашенностью, тяготеют и так называемые “малые вкрапления” внутренней речи автора в виде истинных или риторических вопросов, которые повествователь задает сам себе по ходу повествования:

Sechs Jahre später...traf ich mit ihrem Onkel (*woher kannt ich ihn wohl?*) in einem Praterwirthshaus... zusammen... (6, S.286).

В мемуарном литературном портрете писателя Г.Келлера, созданном К.Ф.Майером, одно из парентетических внесений служит примером целого вопросо-ответного единства, представляющего собой фрагмент внутреннего монолога автора, пытающегося более четко локализовать во времени обстоятельства личных встреч с портретируемым:

Zwei Begegnungen mit ihm bleiben mir unvergeßlich, die erste, da ich ihm — *wie lange mag es sein?* — *von ungefähr zehn Jahren* — einen namhaften deutschen Schriftsteller brachte, und die andere in diesem Frühjahr, da er sich schon gelegt hatte (7, S.310—311). Естественно, что виды парентетических внесений, выделяемые на

основе их семантико-стилистических функций, отличаются в текстах ретроспективной направленности, как и в любом другом типе текста, большим разнообразием. Довольно употребительными являются парентезы со значением комплементарности, уточняющей конкретизации (нередко — проспективной ориентации, особенно если речь идет о предвосхищении дальнейших судеб изображаемых личностей или хода развития событий), характеристики, условия, предположительности, каузативности, рестриктивности, темпоральности и т.д.

Кроме того, графическая изоляция парентетических внесений нередко способствует дополнительному подчеркиванию эпической дистанции между повествующим и изображенным субъектами в текстах воспоминаний, и тогда в состав авторского комментария любого вида входят темпоральные маркеры *damals/heute* или их синонимы:

Nun war man schon vier Tage und vier Nächte unterwegs. Es wurde heiß in unserem Pullman-Wagen. *(Die künstliche Luftkühlung war damals in amerikanischen Zügen noch nicht eingeführt.)* (8, S. 238).

В качестве особой формы парентез следует рассматривать различного рода размышления, рефлексии, обобщения, сентенции и т.д., принадлежащие автору. Отмечая несомненную диалогическую направленность авторских размышлений, или отступлений, служащих в любом типе текста для вовлечения читателя в серьезный разговор об истинных причинах и смысле происходящего, мы бы хотели одновременно подчеркнуть момент их несомненной эгоцентричности, что дает возможность говорить о полифункциональном характере таких парентез и трактовать их как проявление частного случая автодиалога. При этом наблюдается феномен “диалогизированного сознания” (термин М.М.Бахтина), не равный самопознанию, когда субъект становится объектом собственного осмысления: хотя общение с собой также является результатом раздвоения, в процессе автодиалога не происходит объективации одной из ипостасей личности, они обе выступают как истинные субъекты и ведут диалог на равных.

Совершенно очевидно, что в субъективированном повествовании, свойственном текстам ретроспективной направленности, авторские размышления представляют собой манифестацию сущности глубинных процессов, совершающихся в сфере сознания творческой личности, а характер, направленность и текстовый объем соответствующих парентетических внесений оказываются полностью детерминированными индивидуальными особенностями повествующего субъекта. Так, наиболее частотны пространные массивированные автодиалогидialogи с “идеальным” читателем в текстах воспоминаний писателей, обладающих философски-аналитическим складом ума и тяготеющих к психологическому анализу (Кл.Манн) или, напротив, склонных к публицистической манере письма, что сопровождается открытой заявленностью политических взглядов, убеждений и общественной позиции автора, а также обширными сравнительно-историческими

экскурсами в прошлое мировой цивилизации (Г.Манн). Подобные размышления на фоне воспоминаний приобретают в текстах ретроспективной направленности самостоятельную ценность, оформляясь на композиционном уровне в виде отдельных глав, либо семантически и структурно обособленных фрагментов текста внутри глав и подчиняясь субъективной логике авторского концепта отображаемой картины мира.

Менее объемные парентетические вхождения подобного рода в силу своей большей синсемантической обычно занимают характерную интерпозицию в составе отдельных сверхфразовых единств, т.е. конкретный факт из жизни изображенного автобиографического субъекта служит толчком для развития соответствующих мыслительных процессов в сознании повествователя, после языковой актуализации которых повествование возвращается в заданное русло. Если в данном случае речь идет о переходе повествующего субъекта от факта к размышлению, или от частного к общему, то в ряде других эпизодов в текстах ретроспективной направленности следует констатировать противоположный факт перехода от общего к частному, когда само размышление автора является отправной точкой в дальнейшем развитии событийного плана, находясь в сильной позиции (в начале главы, части и т.д.). т.е. в препозиции по отношению к воспроизводимому факту или обстоятельству.

Такое рассуждение-экспозиция убеждающего характера о пользе чтения начинается после отбивки очередную часть претеритального повествования о жизни изображенного субъекта в автобиографии Э.Кестнера "Ais ich ein kleiner Junge war", в которой автор рассказывает юному читателю о своей любви к книгам, зародившейся еще в детстве:

Wenn ein Kind lesen gelernt hat und gerne liest, entdeckt und erobert es eine zweite Welt, das Reich der Buchstaben. Das Land des Lesens ist ein geheimnisvoller, unendlicher Erdteil... Wer lesen kann, hat ein zweites Paar Augen, und er muß nur aufpassen, daß er sich dabei das erste Paar nicht verdirbt.

Ich las und las und las... (9, S. 300).

Аналогичным разнообразием позиций отличаются и парентетические вхождения в форме предложений или более пространных суждений генерализирующего характера, которые, являясь квинтэссенцией любой рефлексии, сами по себе часто служат результатом или стимулом к обширным авторским размышлениям, но иногда встречаются в текстах в виде вкраплений-резюме, не получающих дальнейшего семантического развития. Подобного рода микроотступления представляют собой род афоризма, краткие общезначимые изречения, однако определяющим началом в них остается неприкрытая авторская субъективность, личностная окрашенность, поскольку предложения мыслимы только как индивидуально-творческий акт и имеют собственные индивидуальные смыслы, подлежащие расшифровке со стороны "идеального" читателя.

Выступая в пре-, интер- и постпозиции по отношению к базовому факту, такие парантезы могут функционировать в синтаксическом плане в виде отдельных пропозиций или входить в состав сложных предложений, например:

... auch die Dorfleute mieden mich, so gut es ging. *Ein Irrer gilt stets als gefährlich.* Eine ganze, lange Weile bangten alle, ich könnte in meiner Unzurechnungsfähigkeit plötzlich etwas Schreckliches anstellen (10, S. 417).

Таким образом, все рассмотренные виды парантетических внесений, актуализирующих функционирование повествующего субъекта в роли комментатора в текстах ретроспективной направленности, служат выражению личностной позиции автора воспоминаний по отношению к изображаемой действительности и всегда имплицитно ориентированы на “идеального” читателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колегаева И.М. Текст в системе научной и художественной коммуникации /на материале англоязычной прозы/ : Автореф. дис. д-ра филол. наук. Киев, 1992.
2. Храпченко М.Б. Познание литературы и искусства. Теория. Пути современного развития. М.: Наука, 1987.
3. Прозоров В.В. Читатель и литературный процесс. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1975.
4. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата//Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т.40. Вып. 4. М., 1981.
5. Zuckmayer,G. Wiedersehen mit einer Stadt. Aus dem Stegreif erzählt im Dezember 1968 // Zuckmayer, G. AuJ einem Weg im Frühling. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985.
6. Schnitzler, A. Jugend in Wien. Eine Autobiographie. Berlin u. Weimar: Aufbau-Verlag, 1985.
7. Meyer, G.F. Erinnerungen an Gottfried Keller // Dichter über Dichter'.bit. Porträts von Goethe bis Fontäne / Hrsg. von P.Goldammer. München: Hanser, 1976.
8. Mann, Kl. Der Wendepunkt. Ein befaensbericht. Berlin u. Weimar; Aufbau-Verlag, 1979.
9. Kästner, E. Als ich ein kleiner Junge war // Kästner,E. Ausgewählte Prosa und Gedichte. Moskau: Verlag "Raduga", 1985.
10. Graf, O.M. Das Leben meiner Mutter. Berlin: Verlag der Nation, 1974.

И.В. Бондаренко

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В НАУЧНОЙ РЕЧИ

В последние десятилетия в связи с увеличением роли метафоры в разных видах научной речи, в том числе в языках разных отраслей научного знания, значительно возрос интерес к метафоре. Изучение метафоры захватило разнообразные области знания — философию, логику психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, семиотику, риторику, разные школы лингвистики — идейная консолидация которых способствовала формированию когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания¹. «В ее основе — предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — осуществления условий переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума»².

В связи с этим изучение метафоры не ограничивается областью филологии, а переходят в область изучения практической речи, в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа.

Исследование метафоры в различных терминологических системах связано прежде всего с вопросом о положении метафоры в научной речи. Отношение к употреблению метафоры в научной терминологии меняется в зависимости от научной и культурной жизни общества, от философских воззрений, от характера научной области, от взглядов на язык, его сущность, от понимания природы метафоры.

Против использования метафоры в научном языке высказывались ученые и философы-рационалисты³, которые считали метафору, как один из способов выражения значения, существующим наряду с употреблением слов в их прямом и точном смысле, но гораздо менее удобных.

Философы и ученые романтического склада считали метафору единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Особенно категоричны и последовательны в этом отношении высказывания Ф.Ницше, который сводит к метафоре все способы мышления.

В те же годы Э.Кассирер⁵ положил начало другому важному направлению в современных когнитивных штудиях. Он различал два вида мышления: метафорическое и дискурсивно-логическое. При дискурсивно-логическом мышлении мысль, приняв за отправную точку какое-либо эмпирическое свойство предмета, пробегает по всей области бытия, пока искомый концепт не достигнет

определенности. В отличие от него метафорическое мышление сводит концепт в точку.

Из тезиса о “внедренности” метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции, и теперь взгляд на метафору как необходимый инструмент познания повсеместно принят. В науке метафора имеет два употребления. Когда ученый открывает новое явление, то есть создает новое понятие, он должен его назвать. Зачастую он пользуется существующими языковыми средствами, в которых за каждым словом уже закреплено значение.

Чтобы быть понятным, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Слово приобретает новое терминологическое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора.

Второе употребление метафоры состоит в том, что она служит не только наименованию, но и мышлению. В этом и заключается вторая функция метафоры в познании. Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Таким образом, ученые порождают новые метафоры в ходе процесса познания.

Проблема функционирования метафоры в научном тексте связана с вопросом о том, как соотносятся буквальное значение слова с метафорическим. Для их разграничения используются как лингвистический, так и когнитивный критерии. Дело в том, что когнитивные понятия сходства, подобия и различия принимают участие в процессе познания в качестве компонентов, которые дают возможность провести соответствующие разграничения. ⁷

Исследование метафоры в морских текстах осуществляется на стыке двух наук: филологии и мореходстве. Метафорические наименования морской референтности должны рассматриваться прежде всего на основе их непосредственного соотношения с тем, что они обозначают.

Изучение морской терминологии в плане соотношения имени и реально существующего объекта, процесса или явления, принадлежащих мореходству, позволило выявить наименования, которые представляют собой слова или словосочетания, уже существующие в литературном языке, которые подверглись семантическому переосмыслению-метафоризации, например: "HEARTS OF OAK" — моряки Британского флота: "ALL LEGS AND WINGS" — “имеющий слишком высокие мачты” (о корабле); "TO HAVE THE LEGS" — “иметь большую скорость” (о корабле); "MONKEY FACE" — “треугольная планка”; "LAZY PAINTER" — “короткий носовой фалинь”; "dragon's tail" — “буксируемая цепь термистров”; "dog's ear" — 1. “отверстие в тенте” (для мачты), 2. “зеркальная ячея”; "rooster tail" — “кормовые усы”; "to fly a blue pigeon" — “бросать диплот”; "to carry a bone in her mouth" — “вспенить воду” (о судне); "gypsy chain" — “кабальер” и другие.

Метафора представляет собой познавательный процесс, так как человеческий разум сопоставляет семантические концепты в определенной степени несопоставимые. Причем метафора предполагает определенное сходство между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понятна, а с другой стороны, несходство между ними, поскольку метафора призвана создавать некоторый новый смысл. Иными словами, в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный.

Когда мы используем метафору, у нас присутствует две мысли о двух разных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного слова или словосочетания, чье значение и есть результат этого взаимодействия. Например, морская метафора "kula skirt" обозначает "покрытие" (трала). Буквальное значение "hula skirt" "юбка из травы", которая предназначена для исполнения национального гавайского танца. Этот вид одежды по форме и внешнему виду напоминает сетное покрытие трала, что и послужило основой метафорического переноса по сходству. В результате когнитивного процесса происходит соположение двух референтов, обычно между собой не связанных.

Или метафорическое наименование "crow's nest" — "воронье гнездо", возникшее в результате переноса значения по сходству внешнего вида и формы. Взаимодействие двух мыслей о разных предметах проявляется в следующем: в основе логического переноса лежит представление о гнезде вороны, так как морской объект, обозначаемый этой метафорой, представляет собой бочку, укрепленную в верхней части мачты парусного (или китобойного) судна, и, используемую в качестве наблюдательного поста. При метафоризации первичного денотативного словосочетания происходит перенос значения по сходству внешнего вида и по функции. В результате семантика словосочетания усложняется, при этом значение трансформируется от частного случая к обобщению: метафора создает некоторый новый смысл.

Функционирование метафоры в научной речи осуществляется через признание различий между буквальным и метафорическим значениями, объяснение их и тем самым определение тех принципов, которые позволяют говорящим производить, а слушающим понимать метафорические высказывания. Метафора существует в языке науки как вполне обычный творческий процесс человеческого познания, который объединяет понятия, в норме не связанные, для более глубокого проникновения в суть дела. Не все объекты легко доступны нашему мышлению, не обо всем мы можем составить ясное и четкое представление. Поэтому наше сознание обращается к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудно уловимых.

Таким образом, "метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля". Объекты, к нам близкие, легко достигаемые, открывают мысли доступ к

далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет руку “интеллекта”.⁹ Причем метафора, как правило, знаменует собой лишь начало мыслительного процесса: она как бы дает толчок развитию мысли. В речи она дает толчок семантическому процессу, затем постепенно стирается, утрачивается образ, лежащий в ее основе, на вмену ему приходит понятие (значение слова).

Хотя метафора широко используется в специальных научных текстах, ее присутствие часто дисгармонизирует с некоторыми параметрами научной речи. В частности, использование метафоры в морских текстах наталкивается на существенные ограничения, налагаемые коммуникативными целями отдельных видов научной речи. Так в текстах по мореходству, связанных с законами, запретами, всевозможными требованиями по ведению рыбного промысла и осуществлению морской деятельности; в правилах поведения и безопасности на море, в предостережениях и предупреждениях, то есть во всем, что должно неукоснительно соблюдаться и контролироваться, а следовательно, подлежит точному и однозначному пониманию, — в этих видах научной речи метафоры не встречаются. Им нет места и в языке морских радиogramм, несмотря на семантическую емкость метафоры. Неуместность и недопустимость метафор в этом случае объясняется целью получения точной и однозначной информации.

Метафоры — очень специфические наименования в морском языке. В чем же заключается специфичность этих наименований? Чем становится метафора в терминологии? Ответ на эти вопросы связан с выяснением отношения метафоры к термину и к номенклатуре.

Часть метафорических наименований обладает системностью, то есть легко вписывается в родо-видовую иерархию терминов и понятий данной области человеческой деятельности, например: "dead ship"; "black skip"; "white skip"; "mother ship"; "sister ship" являются видовыми терминами и легко могут быть соотнесены с родовым термином "ship". Эти единицы обладают точной научной дефиницией в сфере мореходства. Они оказываются мотивированными в составе данной предметной области и как бы формируют сам предмет, естественно вписываясь при этом в системные противопоставления, например: sister skip — mother skip — parent ship; crab rail — bull rai — korse rail — nonkey rail; butterfly boat — cat boat — cock boat — pig boat; breast anchor — one-arm anchor — waist anchor и другие. В морской терминологии существует ярко выраженная система в использовании наименований животных, частей тела, степеней родства для обозначения объектов мореходства.

Подобные метафорические наименования следует отнести к видовым терминам, выраженным полилексемными единицами; причем второй компонент является родовым термином, входящим в терминологическую систему данной предметной области.

Однако статус таких метафор, как "hearts of oak", "crow's nest", "shark's mouth", "devil's claw", "shovel nose", "dragon's tail", "kula skirt", etc., в составе которых отсутствуют термины в качестве компонентов, невозможно определить на основе родо-видового принципа: они не входят в систему терминологии мореходства, не вступают в синонимические и антонимические отношения с другими единицами терминосистемы. Этот вид метафорических наименований представляет собой абстрактные стволы, которые обозначают объекты без какой-либо связи с теоретической мыслью, оперирующей этими объектами. Такие метафоры рассматриваются нами как номенклатурные единицы.

Таким образом, с помощью метафоры может быть выработан новый подход к решению вопроса о разграничении терминов и номенклатурных единиц: в тех случаях, когда метафорическое наименование включает слово, относящееся к основному терминологическому фонду данной специальной области, и метафорический элемент, то есть слово, которое является результатом процесса метафоризации, образуются видовые полилексемные термины, легко соотносимые с родовым понятием и легко отделяемые от номенклатурных единиц. Те метафорические наименования, в которых ни одно слово не является общепризнанным термином, относятся к номенклатурным единицам.

Кроме того, исследуя морские тексты, мы получаем подтверждение того, что метафора часто встречается не только в литературных произведениях, но и в научных текстах, где она эффективна в описании научных фактов. Приспосабливая старые слова к выполнению новых функций, можно получить огромную экономию лексических средств языка и использовать устоявшиеся привычки в процессе создания новых переносных значений, как выяснилось, метафора является необходимым орудием мышления. Через метафору осуществляется процесс познания реальной действительности, а ее когнитивное содержание позволяет нам судить об уникальности национального процесса мышления, о существовании национально-специфического видения мира. Без учета этой специфики вряд ли возможны успешная коммуникация морских специалистов.

Хотя присутствие метафоры в научном тексте наталкивается на те ограничения, которые накладываются коммуникативными целями, мы не можем игнорировать объективность ее существования в специальной научной речи. Поэтому для того, чтобы успешно участвовать в процессе научного общения, следует правильно употреблять наименования метафорического характера: необходимо знать и учитывать всю ту информацию, все "фондовые знания", всю специфику видения мира, которые и составляют содержание метафоры.

1См. работы: Гусев С.С. Наука и метафора.-Л.: Просвещение,1984; Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования//Философские основания научной теории.-Новосибирск, 1985; Степанов Ю.С. В трехмерном

пространстве языка.-М.: Наука,1985; Метафора в языке и тексте. -М.: Наука, 1988; Теория метафоры.-М.: Прогресс,1990.

2Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы// Вопр. языкознания.-22.-1988.-С.41. См. также.: Новое в зарубежной лингвистике, вып.ХХIII: Когнитивные аспекты языка.-М.: Наука,1988; Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция// Метафора в языке и тексте.-М.: Наука, 1988.-С.26-51.

3См. об этом в статье Арутюновой Н.Д. метафора и дискурс//Теория метафоры.—М.: Прогресс, 1990.— С.5-32.

4 См. там же.

5Кассирер Э. Сила метафоры//Теория метафоры.-М.:Прогресс,1990.-С.33-43.

6Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры//Теория метафоры.-М.: Прогресс, 1990.-С.69-71.

7См. об этом: Меккормек Э. Когнитивная теория метрфоры//Теория метафоры.-М.: Прогресс, 1990.-С.358-386; а также *Metaphor and Thought*/ed.by Crtony A.-Cambridge :Cambridge Univ.Press,1979.

8*Metaphor and Myth in Science and Religion*.-Durham:Duke Univ. Press,1076.

9Ортега-и-Гассет Х. Указ.соч.-С.72.

Б.Л. Боярская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПОРОЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛИСЕМАНТА

Подход к изучению лингвистических проблем с точки зрения теории прототипов не нов. Основные положения данного подхода были предложены и развиты в работах Э.Рош, Дж. Лакоффа, Ч.Филлмора, Л.Витгенштейна и др. Формальные структуры языка более не изучаются как отдельные автономные явления. Они рассматриваются как отражение общей концептуальной организации, принципов категоризации действительности. Любая языковая форма является отражением когнитивных структур и способов организации мышления и познания (Кибрик, 1987). Именно поэтому в лингвистике активно исследуются вопросы, связанные со структурными характеристиками категоризации естественных языков, такими как когнитивные модели, прототипичность и т.д. Важнейшим шагом в этих исследованиях стало применение теории прототипов и появление когнитивной семантики, основными положениями которой являются: отсутствие классических дефиниций в терминах необходимых и достаточных признаков, размытость границ категории, различная степень значимости признаков внутри категории и различная степень представленности категории, не

разграничение в значении слова языковых и энциклопедических знаний, а также привлечение в исследованиях культурно-специфических фоновых знаний (Краткий словарь когнитивных терминов, 143). Теория прототипов позволяет лучше понять сущность явления полисемии, выявить его свойства и закономерности. По мнению ряда авторов, само существование полисемии объясняется возможностью существования в сознании категорий прототипического характера (Лещёва, 1996). По определению члены категории могут находиться в отдалении от центра категории и не обязательно опосредовано связаны друг с другом. Между концептуальной категорией прототипического типа и структурой полисеманта наблюдается определённая связь. Однако степень и характер этой связи вызывает значительные разногласия у лингвистов.

Предметом исследования данной работы являются новые существительные, простые с точки зрения их деривационной структуры, образованные путем автономной вторичной номинации имеется в виду классический квартет — метафорический и метонимический переносы, расширение и сужение значения. Дополнительным критерием отбора являлась полисемантность структуры существительных на момент появления нового значения. Цель исследования — изучение механизма порождения нового значения у полисемантов. Подбор материала для анализа осуществлялся методом сплошной выборки из “THE THIRD BARNHART DICTIONARY OF NEW WORDS”, “LONGMAN REGISTER OF NEW WORDS”. Описание и сравнение исходных и производных значений выполнялось с помощью “COLLINS COBUILD ENGLISH LANGUAGE DICTIONARY”. Исходным теоретическим основанием явилось следующее: между когнитивными структурами, с одной стороны, и языковыми, с другой, существуют определённые корреляции. В основе любых семантических изменений лежат изменения когнитивного характера (Кубрякова, 1994).

На первом этапе исследовалась категориальная и тематическая отнесенность исходных значений полисемантов, ставших номинативными донорами. Иными словами, речь идет о структуре области-донора (source domain). Задачей второго этапа являлось изучение тематической и категориальной принадлежности новых значений полисемантов, т.е. рассматривалась структура области-реципиента (target domain).

Универсальными донорами, ставшими источником номинации наибольшего числа понятий, могут считаться следующие макрокатегории: ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, ИНСТРУМЕНТ, ПРИСПОСОБЛЕНИЕ, ВЕЩЕСТВО, СТРУКТУРА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО.

E.g. 1. a companion, partner.
Buddy

2. used as a form of address to a man, often in anger
3. a volunteer who acts as a companion and helper to some-

one with AIDS.

- Chicken   1. a common farmyard bird
                 2. a person who lacks courage
                 3. *a young inexperienced male prostitute*
- Crystal   1. a small piece of a substance that has formed naturally into
                 a regular symmetrical shape;
                 2. a transparent rock that is used to make jewellery or ornaments
                 3. *a stimulant drug, consisting of powdered crystals.*

Структура области-донора, полученная в результате исследования новых существительных, совпадает с данными исследований канонических существительных, представленных в монографии Л.М.Лещёвой (Лещёва, 1996). Возникает вопрос: почему именно эти категории использовались, используются и, можно предположить, будут использоваться в дальнейшем в качестве источников вторичной номинации. С одной стороны, именно эти макрокатегории, по-видимому, составляют основу общей когнитивной модели мира. Здесь можно усмотреть некоторые аналогии с предложенным Лейбницем “Алфавитом человеческой мысли”, а также с семантическими примитивами, выведенными А.Вежбицка, т.к. названия приведенных выше макрокатегорий-доноров интуитивно воспринимаются как простые, активно используются и качестве материала для определения других, в том числе и новых концептов. Более того, макрокатегории-доноры сформировались одновременно с зарождением и формированием сознания. Если рассмотреть структуру данных макрокатегорий диахронически, то можно заметить, что прототипы вышеперечисленных макрокатегорий сохранили набор базисных характеристик даже при изменении с течением времени периферийных признаков прототипа. Подобные изменения прототипа, ведущие к изменениям в категориальной системе в целом — естественный процесс. Они связаны прежде всего с переопределением набора характерных свойств и относительных рангов (Givon, 1986). Более того, различные люди оперируют пространством категорий по-разному: не только при эволюции, но и в индивидуальном употреблении человека, проявляется гибкость категорий, реализованная в столкновении человека с различными окружениями— личностными, социальными, коммуникативными и биологическими (Краткий словарь когнитивных терминов, 1996).

Возвращаясь к макрокатегориям-донорам, с учетом вышесказанного, следует заметить, что их прототипы, вне зависимости от происходящих изменений, проявляют устойчивость и *относительно* не зависят от культурно-специфических моделей, во многом определяющих течение процессов категоризации и номинации.

Следовательно, можно вести речь об устойчивости прототипа, ведущей к относительной стабильности макрокатегории в целом, что по-видимому, способствует развитию полисемии, т.к. лексикализованные прототипы устойчивых категорий будут, по нашему мнению, чаще использоваться для вторичной номинации, чем те категории (макрокатегории), чей прототип изменял набор базисных характеристик или вообще наблюдался сдвиг прототипа, повлекший кардинальные изменения в категориальной организации.

Лексикализованный прототип устойчивых категорий может выступать как часть некой когнитивной модели, существующей в нашем сознании и лежащей в основе определённого количества номинативных актов. Рассмотрим данное положение на примере категории BIRD. Само слово *bird* является лексикализованным прототипом устойчивой категории. Хотя состав категории менялся — появлялись новые породы птиц, а другие, наоборот, исчезли — набор базисных характеристик прототипа остался неизменным: прототипическая птица имеет пару крыльев, две лапы, покрыта перьями, имеет клюв, откладывает яйца. Прототип располагает и набором периферийных характеристик — “красота, легкость” т.е. нечто, служащее для привлечения внимания. Именно этот периферийный признак лег в основу концептуальной метафоры WOMAN IS A BIRD. Это — квант информации, часть структурированного знания, представленного лексикализованными прототипами устойчивых категорий и зафиксированного в когнитивной системе *homo sapiens*. По этой модели идет создание множества новых прагматически окрашенных ЛСВ.

e.g.	1. a type of small bird which is often shot and eaten;
Quail —	2. the meat of this bird eaten as food;
	3. <i>a sexually attractive woman!</i>
Chicken	1. a bird kept on a farm for eggs and meat;
—	2. flesh of this bird eaten as food;
	3. a person who is afraid to do something;
	4. <i>an attractive woman or a girl.</i>

Структура категории ANIMAL также может считаться устойчивой благодаря относительной устойчивости своего прототипа. Лексикализованный прототип данной категории является частью когнитивной метафоры WOMAN IS A FURRY ANIMAL и MAN IS A BEAST. В первом случае наблюдается актуализация периферийного признака — наличие меха, ассоциируемое с привлекательностью, приятными тактильными ощущениями. На основании этой модели появились новые значения у слов *fox*, *mink* и др.

e.g. Fox	1. a wild animal that looks like a dog and has reddish brown fur, a pointed face and ears, a thick tail;

2. a clever, cunning and deceitful person;
3. *an attractive woman*.

- Mink
1. a small furry animal with highly valued fur;
  2. the fur of a mink;
  3. a coat or other garment made from the fur of a mink;
  4. *an attractive woman or a girl*.

Во второй метафоре, MAN IS A BEAST, по-видимому, были задействованы глубинные процессы сознания, сформировавшиеся на заре его становления. С другой стороны, утверждению данной когнитивной метафоры способствовало развитие феминистических настроений в обществе.¹

- e.g. Wolf
1. a wild animal that looks like a large dog;

2. *a bald and aggressive male*.

Таким образом, в создании новых ЛСВ слов были задействованы базисные концепты, прототипы устойчивых категорий, которые не претерпели значительных изменений в течение веков—MAN, WOMAN, ANIMAL, BIRD и др.

Устойчивый набор прототипических признаков позволил образовать новые ЛСВ слов и не нарушить процесс коммуникации

¹ Более подробно об этом в статье Боярской Е.Л. “Взаимодействие когнитивных, семантических и прагматических аспектов явления полисемии” в сб. “Проблемы семантики и прагматики”, 1996.

даже при первом отклонении в их узуальном употреблении. Человеческое сознание выбирает наиболее устойчивые прототипы, а следовательно, категории для максимально рациональной организации и репрезентации знаний, а затем неоднократно апеллирует к ним при возникновении необходимости именования как новых концептов, так и ословливания “синонимических” концептов.

Возвращаясь к исходному положению о факторах, определяющих структуру области-донора, можно сделать вывод о том, что в создании новых ЛСВ полисемантов были активно задействованы базисные концепты, устойчивые прототипы, а следовательно, категории известные издревле и не подвергшиеся значительным изменениям с течением времени. Таким образом, можно утверждать, что структура области-донора относительно статична и вероятно останется таковой в будущем, т.к. она содержит универсальные базисные концепты.

Анализ структуры области-реципиента показал, что данная область необычайно динамична. Образование новых значений полисемантов происходит в зависимости от состояния концептуальной картины мира — появления новых секторов, расширения уже существующих, что диктует необходимость именовать вновь появившиеся концепты. Концептуальные структуры, как известно, имеют очень гибкую организацию и свободно приспособляются к постоянно

изменяющимся концептуальным потребностям. Это свойство ведет к подвижности состава области-реципиента. “Принимающими” становятся те категории, которые содержат новые концепты. В данном случае речь идет не о макрокатегориях, а о категориях более дробного уровня. Например, в структуре области-реципиента сохраняется макрокатегория **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, однако особенно активно развивается ее субкатегории **БИЗНЕС ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** (**ПОЛИТИКА**), **РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, (**РАЗВЛЕЧЕНИЯ**). При сохранении в составе области-реципиента макрокатегории **ВЕЩЕСТВА**, активно развиваются ее субкатегории **НАРКОТИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА**. Как показали проведенные исследования, в структуре области-реципиента преобладают категории и субкатегории так или иначе связанные с поведением человека в обществе. Это подтверждает высказанное рядом авторов положение об антропоцентрическом характере изменений различного рода, в том числе и когнитивных. Некоторые примеры развития новых значений у полисемантов, тематическая и категориальная соотнесенность их исходных и новых значений приводится в таблице (1).

Область донор

Категория **ЧЕЛОВЕК**

Область реципиент

Категория **ЧЕЛОВЕК**

Субкатегория **ЧЕЛОВЕК**

Buddy

1. A companion, partner;

2. A form of address to a man of- ten in
3. A volunteer who acts as a companion , a helper to someone with AIDS;

3. A volunteer who acts as a companion, a helper to someone with

anger;

Категория

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ

СУЩЕСТВО

Angel

1. A messenger or servant of God;

2. A person who is very kind, beautiful
etc.

3. Someone who is ready to support smth., esp.a play or a film, by lending money;

4. A nurse

Ghost

1. The spirit of a dead person;

2. The memory of something that

has happened;

3. A faint trace of something;

4. An absentee who is counted as present at school or at work.

Категория ЖИВОТНОЕ

Mule

1. Animal which is the young of a donkey and a female horse;

2. A sort of spinning machine;

3. A courier employed to smuggle drugs;

Mole

1. A small animal with black fur that lives underground;

2. A machine that bores holes through soil and rock, used especially to make tunnels;

3. A secret intelligent agent who builds a legitimate cover over a period of years but not engaging in spying activities until he or she is tapped for an important mission.

Категория

ИНСТРУМЕНТ/ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

Needle

1. A small, thin piece of polished metal which is used for sewing;

2. A thin hollow metal rod with a sharp point, which forms part of a syringe;

3. A small pointed device that touches the record and picks up the sound signals;

4. A thin solid metal rod with a point which is put into a patient's body during acupuncture.

5. a spur, goad or stimulus

6. a barbed or sarcastic remark

7. narcotic drugs.

Hammer

1. A tool that of heavy piece of metal at the end of a handle

2. A part that hits another part in machines and instruments

3. A heavy weight on a piece of a wire, that the athlete throws as far as

4. an accelerator.

possible

Категория ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Compliance

1. Obedience to a rule;
2. The tendency to agree too willingly to other people's wishes or demands;

1. A piece of work that needs skill, effort and careful planning, esp. over.
2. A period of time;

Cut

1. The result of cutting, an opening or a wound;
2. A piece or type of meat which is cut in a particular way from the animal or from a particular part of it.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о существовании некоторой связи между явлением прототипичности и развитием многозначности. Лексикализованные прототипы устойчивых категорий проявляют тенденцию чаще использоваться в процессе вторичной номинации, чем менее устойчивые прототипы, изменявшие набор своих характеристик. Устойчивый тип прототипов может выступать в качестве части когнитивных схем-концептуальных метафор, которые помогают рациональной организации и хранению знаний. Именно устойчивые категории, являясь своеобразной моделью реальности, формируют относительно статичную именуемую область - область-донор, которая вместе с подвижной, динамичной областью-реципиентом представляют этапы сложного процесса вторичной номинации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности//Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах.-М., 1987.
2. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке//Структуры представления знаний в языке.-М., 1994.
3. Лещёва Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте.-Минск, 1996.

Категория ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Субкатегория БИЗНЕС

3. Acting in accordance with the terms of the Financial Services Act

Субкатегория ПОЛИТИКА

3. A long term set of aims of a political leader;

Субкатегория РАЗВЛЕЧЕНИЯ

2. A single song or other item on a LP; a track;

4. Givon T. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein//Noun classes and categorisation.-Amsterdam, 1986.
5. Wierzbicka A. Semantic primitives//Linguistische Forschungen.-Frankfurt,1972.
1. Краткий словарь когнитивных терминов.-М., 1996.
2. Cobuild English Language Dictionary
3. Longman Register of New Words
4. The Third Barnhart Dictionary of New Words.

А.О. Бударина

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОЛЕВОЙ ИГРЫ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

В настоящее время владение иностранным языком становится все более неотъемлемым качеством культурного, образованного человека. Активизация международных контактов, конкуренция в различных областях промышленности и бизнеса определяют всеобщее стремление к освоению иностранных языков и осознание необходимости радикального пересмотра системы образования, особенно при языковой подготовке специалистов высшей квалификации.

Одной из актуальных проблем высшего образования, в соответствии с потребностями общества, является построение такого процесса обучения иностранным языкам, который был бы основан на коммуникативно-личностном подходе, а главный акцент ставился бы на развитие у обучающихся коммуникативной способности, способности активно и свободно общаться на изучаемом языке, что предполагает стимулирование развития основных сфер человека, его личностных качеств, гармоничное развитие индивидуальности и социализации личности, повышение интеллектуального потенциала, развитие мотивационной и эмоциональной сфер.

В последнее время проблема развития коммуникативных способностей учащихся разного возраста получила относительно разностороннее и обстоятельное толкование в психолого-педагогической науке как отечественными, так и зарубежными исследователями. Рассматривается широкий круг проблем, раскрывающий возможности коммуникативного подхода при изучении иностранных языков как в средней, так и в высшей школе: выявляются средства активизации мыслительной деятельности студентов при обучении иноязычному общению (И.Л. Бим, В. Литтлвуд, Р.П. Мильруд, Е.И. Пассов и др.), исследуются

учебные задания, способствующие организации творческой деятельности обучаемых на занятиях по иностранному языку (С.В. Калинина, Г.Дж. Виддовсон, Д. Холдкафт и др.), выявлены цели развития индивидуальности обучающихся и ее основных сфер — интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной, волевой, саморегуляции, предметно–практической и экзистенциальной (О.С. Гребенюк, В.С. Ильин, Ю.М. Орлов), изучаются возможности создания целостных методологических систем, основанных на освобождении скрытых возможностей человека, резервов его памяти и интеллектуальной активности в процессе реального овладения иностранным языком как средством общения (Л.И. Анцыферова, Л.Г. Денисова, Н.В. Елухина, Г.А. Китайгородская, Г.К. Лозанов, В.М. Филатов, Д.Б. Эльконин и др.).

Однако сложившийся стереотип проведения практических занятий по иностранному языку не может в полной мере удовлетворять требованиям языковой подготовки будущих специалистов, тогда как использование ролевой игры в учебном процессе соответствует целому ряду общепсихологических, педагогических и методических принципов, отражающих закономерности коммуникативного подхода при обучении иностранному языку, что предполагает речевую направленность учебного процесса, индивидуализацию обучения, функциональность, ситуативность и эвристичность общения.

Использование ролевой игры создает оптимальные условия для управления речевой деятельностью в условиях решения коммуникативных задач общения, что позволяет приблизить речевую деятельность на занятии к реальной коммуникации, актуализируя как вербальные, так и невербальные средства общения, что предоставляет новые возможности для формирования речевого умения при положительных изменениях в речи студентов как в качественном отношении (инициативность речевых партнеров, эмоциональность высказывания), так и в количественном (правильность и темп речи, объем высказывания). Поэтому проблема использования ролевых игр при формировании коммуникативных способностей обучающихся является предметом всеобъемлющих исследований. Так, изучена сущность понятия ролевой игры и особенности методики ее подготовки и проведения с учетом возраста и языковой подготовки обучающихся (М.А. Ариян, Н.А. Качалов, Дж.П. Ладос, В.Р. Ли, К. Ливингстоун, Е.И. Пассов, М.Ф. Стронин, С. Холден, П. Ур, В.М. Филатов, Д.Б. Эльконин и др.), исследованы вопросы места и назначения ролевых игр в учебном процессе (Дж. Барроус, Н.Г. Барышникова, В.А. Верхогляд, Дж. Зорн, Г.К. Лозанов, Ф.М. Рабинович, С. Роджерс, Дж. Хармер и др.). В работах вышеперечисленных авторов большое внимание уделяется ролевому поведению как фактору интенсификации обучения иностранному языку, а также выявлению предпосылок использования ролевых игр при обучении устной речи в средней школе.

Несмотря на значимость проведенных исследований и большое количество публикаций, посвященных теории ролевого общения, они в недостаточной степени решают задачу использования ролевой игры при формировании коммуникативных способностей студентов в обучении иностранному языку, а также ее содействия развитию интеллектуальной, мотивационной и эмоциональной сфер и умений учебной деятельности.

Использование ролевых игр выдвигает на первый план гуманистическую направленность обучения. Процесс ролевой игры побуждает к ориентировке в общем смысле человеческой деятельности, в которой любое предметное действие так или иначе направлено на других людей и оценивается ими как значимое или незначимое. Работа с ролью, вхождение в определенный образ стимулирует процессы мышления, в том числе и творческую интуицию. При этом опыт самого учащегося преобразуется в ролевой игре по линии присвоения элементов социального опыта. Продуктом такого обучения является сам учащийся: его способности, результат развития его сфер. В процессе формирования коммуникативных способностей студентов посредством ролевой игры создаются условия для целостного развития индивида и совершенствования его сущностных сил, а также осуществляется адекватное включение человека в систему социальных отношений, социальное становление субъекта на основе сформированных интересов и потребностей.

Проведенные исследования показывают, что при использовании ролевых игр более половины студентов повышают показатели коммуникативных способностей и интеллектуального развития от первого курса к выпускному. При обучении без использования ролевых игр, как правило, такое повышение наблюдается у слабых и средних студентов, а лучшие студенты часто остаются с относительно неизменным уровнем коммуникативных и интеллектуальных способностей.

В психологических исследованиях последних лет также экспериментально подтверждены преимущества групповых и парных форм работы (Е.В. Борзова, К.Н. Волков, О.А. Колесникова, Р.П. Мильруд и др.), когда при непосредственном контакте обучаемых друг с другом педагогическое воздействие оказывается не прямым, а косвенным. Эти данные стоит принимать во внимание при рассмотрении особенностей эмоциональной сферы студентов. Последняя характеризуется в этом возрасте повышенной тревожностью, эмоциональными срывами, особенно в период первых двух лет обучения.

Необходимо отметить, что проблема использования ролевой игры в формировании коммуникативных способностей студентов в процессе обучения иностранному языку в языковом вузе, несмотря на ее актуальность в решении задачи профессиональной подготовки специалистов, остается недостаточно исследованной. Основное противоречие заключается в том, что возможности использования ролевой игры исследуются безотносительно к практическим

занятиям по иностранному языку в языковом вузе, а проблема формирования коммуникативных способностей студентов должным образом не рассматривается в связи с использованием ситуативно-ролевого общения, а также с развитием основных сфер его индивидуальности. Практический опыт работы в вузе показывает, что основные затруднения, которые испытывают студенты при обучении иностранному языку, являются следствием недостаточной сформированности коммуникативных способностей и стихийным развитием основных сфер индивидуальности.

Эти противоречия для своего разрешения требуют более глубокого рассмотрения возможностей применения ролевой игры в языковом вузе при формировании коммуникативных способностей студентов в единстве с развитием интеллектуальной, мотивационной и эмоциональной сфер, а также номенклатуры целей развития основных сфер и формирования коммуникативных способностей при обучении иностранному языку.

Выдвигаемые положения позволяют разрешить противоречие, связанное с отсутствием дидактического обеспечения работы преподавателя вуза по формированию коммуникативных способностей студентов посредством ролевой игры и необходимостью повышения эффективности практических занятий по иностранному языку в языковом вузе.

Е.К. Гизерская

СТРАТЕГИИ ЧТЕНИЯ — ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема формирования иноязычной компетенции в области чтения не утратили своей актуальности, хотя методическая наука располагает мощным пластом исследований, освещающих разные компоненты этого комплексного речевого умения. В последние годы, когда ситуация в сфере образования претерпела весьма существенные изменения, наблюдается стремление заново осмыслить некоторые принципиальные позиции. Последнее связано с такими факторами как необходимость отразить реальные коммуникативные потребности обучаемых, учесть специфику становления умений читать, ориентируясь на личность читающего, как активного “соучастника” процесса обучения.

Ориентация на личностные параметры обучаемых предполагает в значительно большей степени использование потенциала личности в совокупности всех ее проявлений.

Не случайно в этой связи речь идет о самостоятельных учебных стратегиях. Последние изначально определяются тем, что человек не только выполняет определенность, но и осознает, что он делает, не только осмысливая что-то, но и

сознательно контролирует процесс размышления, не только понимает что-то, но и осознает, что он понимает. Иначе говоря, рефлексия позволяет личности “выйти” из полной поглощенности непосредственной деятельностью, чтобы выработать соответствующее отношение к ней, занять позицию, осознать свою деятельность с высоты этой позиции, критически ее проанализировать и конструктивно усовершенствовать.(1)

В модели обучения, которая в течение последних десятилетий разработана в европейской дидактике, обращается внимание на стратегии овладения языком вообще. Причем речь идет именно о стратегиях учения (Lernstrategie), а не обучения, поскольку исходной точкой рассмотрения является перспектива обучаемого (Lernerspektive), а не обучающего.

Заметим попутно, что термин “стратегия”, взятый из военного лексикона, имеет в настоящее время широкую сферу применения и используется в методике довольно широко.

В данной работе речь пойдет, таким образом, о “стратегии чтения” в условиях обучения взрослых.

“Словарь активного усвоения лексики английского языка” предлагает трактовать стратегию как искусное планирование, тем самым соотнося стратегию с процессом деятельности (2).

В большинстве англо-русских словарей термин “strategics” переводится как наука стратегии, т.е. наиболее общее понятие, а “strategy” — как частная стратегия, трактуемая как умение, генеральный план, программа и т.д. Дело в том, что в английском языке существует два термина “strategics” и “strategy”, которые на русский язык переводятся одинаково — стратегия (3).

Если обратиться к немецкому изданию “Duden Deutsches Universalwörterbuch”, так под стратегией понимается “genauer Plan des eigenen Vorgehens, der dazu dient, ein Verstehen zu erreichen” (4).

Суммируя проанализированные выше дефиниции в словарях можно трактовать стратегию как полисемическое понятие, обозначающее 1) научное знание о стратегическом характере поисковых действий; о формировании системы научных знаний по определению теоретических основ планирования стратегической цели и способов ее реализации;

2) деятельность изучающего, связанную с постановкой цели, вытекающих задач, выбором необходимых для их воплощения сил и средств, определением конкретных условий, разработкой и осуществлением действий по подготовке и организации планирования.

В методической периодической печати мы встречаемся с пониманием стратегии (высказывания, слушания, чтения, письма) как планирование и осуществление действий, которая меняется в зависимости от познавательной задачи. Чтение, в частности, может планироваться и осуществляться как ответ на вопрос, поиск

деталей (дат, цифр, имен), поиск подробностей (фактов, сведений, обстоятельств), понимание процесса или явления, умозаключение (самостоятельный логический вывод, не содержащийся в изучаемом материале), гипотеза (предложение на основании изученного материала), осмысление (в виде краткого, но всеобъемлющего заголовка), логическое построение (восстановление смысловой последовательности), резюме (суммирование изученного материала в соответствии с принятыми правилами (5).

Под “стратегией чтения” О.Д.Кузьменко имеет в виду поведение чтеца в процессе понимания текста. Это соответствует программированию деятельности чтеца и осуществляется им в виде применения различных “тактик” прочтения текста. По концепции О.Д.Кузьменко, чтец сознательно программирует свою деятельность и избирает нужную “тактику” прочтения текста. “Выбор тактики определяется характером языкового материала и частных коммуникативных установок, заданных перед чтением. Стратегия связывается с поиском смысла текста. Отмечается связь стратегии с целеустановкой и характером жанра текста”.(6)

Наличие жестко заданных факторов, варьирование их в учебном процессе дает нам основание квалифицировать данное чтение как учебное, строго управляемое учителем, при котором ограничена стратегическая деятельность обучаемого характером языкового материала и частных коммуникативных установок.

“Стратегия чтения” или отождествляемое с понятием “стратегия понимания” определяется другим автором, Н.Н.Сметанниковой, как способ понимания иноязычного текста. Тактика понимания — это индивидуальная реализация выявленных стратегий. Н.Н.Сметанникова для достижения понимания иноязычного текста выделяет такие стратегии понимания как: поиск слов, выявление планов смысловых категорий, выявление видов смысловых категорий и их группировок, выявление смысловых категорий, передающих основные мысли и детали текста, изменение понимания содержания текста.

Развивая свою идею таким образом, автор для достижения понимания иноязычного текста направляет внимание обучаемых на отдельные элементы текста, его фрагменты, а не на глобальный охват всего текста, что, естественно, замедляет процесс смыслового восприятия текста как единого целого.

И.Г.Рубо в своей работе “К вопросу о психологической характеристике стратегий чтения научного текста” (7) рассматривает анализ деятельности субъекта восприятия — чтеца.

Эта деятельность проявляется в действиях, способах, методах, последовательностях решений, осуществляемых в плане ориентировки, поиска и переработки информации, что в свою очередь соотносится с разрабатываемым в психологии стратегическим подходом к процессам познания.

И.Г.Рубо, складывая свое представление о стратегиях по работам Дж.Брунер, Л.Л.Гуровой, О.К.Тихомирова, сформулировал определение “стратегии чтения” как некоторой программы, состоящей из последовательности трех типов решений мыслительных задач: ориентировки, поиска, переработки и оценки информации.

Идеи автора данного исследования сводятся, совершенно очевидно, к решению мыслительных задач при овладении стратегиями чтения и перекликаются с акцентом на данный аспект в рассмотрении проблемы с рядом работ в этой области(6.с. 132).

На страницах отечественной дидактической печати, в последнее время появляются работы, которые предопределяются в значительной степени требованиями зарубежных дидактических парадигм обучения иностранным языкам.этой позиции рассматривается проблема в статье М.М.Вайсбурд, С.А.Блохиной “Обучение пониманию иноязычного текста при чтении как поисковой деятельности”. Суть обучения чтению как поисковой деятельности состоит в том, чтобы научить обучаемого отыскивать опоры для понимания как в самом тексте, так и в своем опыте, используя известное для понимания неизвестного, ссылаясь на В.К.Нишанова, согласно которому на основе обращения к внутренней картине мира, удастся “извлечь” знания из обрабатываемого текста (8). Положительным в подходе к обучению чтению этими авторами представляется то, что материалом обучения являются аутентичные тексты, благодаря которым процесс обучения из условной превращается в реальную коммуникацию. Но недостаточным, на наш взгляд, для понимания иноязычного текста является только “мобилизация всех умственных способностей, опыта эмоциональных переживаний, образных представлений для того, чтобы “прорваться” к смыслу читаемого сквозь трудности иноязычной формы, чуждой сознанию читающего культуры” (8.С.21), так как данные качественные характеристики опыта обучающегося не освобождают его в полной мере от “иждивенческой позиции”.

Исходя из краткого анализа понятия “стратегии”, рассматриваемого в отечественной специальной литературе, становится очевидным ценность и полезность обучения им с точки зрения психологической и дидактической целесообразности.

Библиографический список

1. Кулюткин Ю.Н. Личность. Внутренний мир и саморегуляция . С-Петербург: Тускарора. — 1996. С.48.

2. Словарь активного усвоения лексики английского языка. М.: Русский язык — 1988. (-710 с).

3. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53000 слов. —18е изд., стереотип. -М.: Русский язык. 1981 (-888с).

4. Duden Deutsches Universalwörterbuch A-Z. Dudenverl., 1989. (-1816s.)

5. Мильруд Р.П. Основные способы стимулирования речемыслительной деятельности на иностранном языке. ИЯШ. 1996. № 6 (с. 6-12).

6. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М.: Просвещение. 1983 (с. 132).

7. Рубо И.Г. К вопросу о психологической характеристике стратегий чтения научного текста. Иностраный язык для специалистов. Отв. ред. М.Я.Цвиллинг М.: Наука, 1990. (с 3—10).

8. Вайсбурд М.Л., С.А.Блохина, Обучение пониманию иноязычного текста при поисковой деятельности. ИЯШ. 1997. №1 (с. 19—21).

И.А. Громова

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

(на материале английской юридической терминологии)

Современный человек живет в культурной среде, складывающейся в течение десятилетий. Эта среда представляет собой чрезвычайно сложное явление, незаметно воздействующее на человека и определяющее его мировоззрение, поступки и мышление. Одним из элементов этой культурной среды, являющимся одновременно и результатом развития цивилизации, средством фиксации ее истории, и одним из средств ее формирования, является язык. Одна из важнейших функций языка — коммуникативная, обеспечивающая общение во всех сферах человеческой деятельности. Специально-профессиональная коммуникация (в рамках научной, учебной, производственно-технической или социально-культурной деятельности) осуществляется в рамках замкнутого словарного контекста, границы которого обусловлены определенной социальной организацией действительности. Совокупность лексических единиц специальной области знаний образует особый пласт специальной области лексики. Создавая новую область знания или пересматривая старую, ученый конструирует ее понятия и закрепляет их специальными словами — *терминами*. Принципиальное отличие всех разрядов специальной лексики от общей — иная связь с понятием и именуемым объектом. Для слов общей лексики она равномерна. Специальная же лексика характеризуется либо усилением связи “слово — понятие”, либо усилением связи “слово — именуемый объект”. Понятия могут относиться к вещам, событиям, качествам, отношениям, но понятие — это только ментальный конструкт, формируемый на основе объекта. В понятии суммируется или умственно абстрагируется то, что оказывается общим для группы индивидуальных объектов. В этом плане, понятие — элемент мышления, представляющий черты (характеристики) общие ряду объектов. Мы разбиваем понятия посредством

сопоставления их с реальностью и совершенствуем познание мира путем уточнения понятий и их систем.

Термины — это наиболее важная часть специальной лексики, поскольку они активно участвуют в производстве, накоплении, синтезе и обобщении знаний о сущности вещей, явлений, процессов в природе, обществе и мышлении. Термины так тесно сливаются со специальным знанием, что иногда их даже не считают за языковую категорию, забывая об их словесной природе.

Особый интерес к термину не только как к единице языковой системы, не просто как к символу, а как к слову — двусторонней единице, обладающей семантической природой, явился причиной изменения ориентации терминологических исследований последних десятилетий. На первом плане оказались такие проблемы как поиск надежных понятийных эквивалентов (смысловых аналогов) в различных терминосистемах, особенно гуманитарных наук, создание “банков знаний” на основе терминологических тезаурусов, очерчивающих круг основных понятий данного специального предмета, разработка методик ономастических словарей терминов (от понятия к слову), обеспечение тесной связи терминов с преподаванием профессионально ориентированных языков для ~~Именно признание~~ неразрывного единства термина и обозначаемого им понятия позволило по-новому поставить вопрос о термине как значащей единице, направленной на окружающий человека мир и являющейся продуктом и результатом деятельности людей. Иерархия терминов отражает наше представление о данном отрезке действительности, наше знание о мире (в том, конечно, что касается специальной области). Именно с этих позиций подходит к семантике термина когнитивная лингвистика. Эта теория ставит на первое место вопрос о том, как те или иные языковые явления связаны с отражаемой ими экстралингвистической реальностью и какова их роль в познании этой реальности. Анализ процессов познания и отражения действительности в сознании человека в виде знаний о действительности всегда занимал центральное место в гносеологии, логике, психологии, философии. С появлением когнитивной науки многие из проблем, поставленных в рамках упомянутых научных дисциплин, стали ставиться и решаться по-новому, хотя бы потому, что были переформулированы с иных, более широких позиций.

Признается, что когнитивный мир человека может быть изучаем по его поведению, по осуществляемым видам деятельности, большинство которых протекает при участии языка. Язык не просто вплетен в тот или иной вид деятельности, но как бы образует ее рече-мыслительную основу, объективируя замыслы деятельности, ее установки, разные компоненты деятельности. Вот почему при анализе мыслительных процессов обращение к лингвистике было неизбежным: языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и когнитивным механизмам. Язык в своем

строении должен отражать природу когнитивных процессов, продукт которых он кодирует.

Связующим звеном между теорией языка и теориями других когнитивных способностей (зрительного восприятия музыкального слуха и т.д.) является семантика, которая никоим образом не может быть отделена от познания. Изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления. Но знание, накопленное человеком в результате познавательной деятельности, огромно. Язык выступает в роли хранителя этой разнообразной информации, запечатлевая ее прежде всего в значениях лексических единиц. Здесь возникает вопрос, каким образом носители языка удерживают в своей памяти не десятки, и даже не сотни, а тысячи отдельных нетождественных друг другу единиц, каждая из которых характеризуется своим индивидуальным звучанием и своими значениями. Ведь лексическая система языка, в том объеме, в котором ею владеет говорящий, является функцией памяти, из которой коммуниканты извлекают по мере необходимости нужные им для коммуникации единицы. Для некоторой единой схематизации опыта или человеческого знания вводится понятие “семантических полей”, которые, отражая различные способы представления человеческого знания в лексике языка, характеризуется различными типами структур. Наиболее значимым, по мнению Ч. Филлмора, является тип структуры, известный как фрейм [Филлмор, 1988, 53]. Фреймом Филлмор называет набор слов, каждый из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального целого. Понятие фрейма в такой его трактовке легче продемонстрировать на примерах, чем описать в общем виде. Например, торговля: некоторое лицо обменивает свои деньги на товары и услуги, получаемые от другого лица. Таким образом, возникают такие понятия как to buy, to sell, to pay, to spend, to cost, price, money, change. Эта группа слов является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания. Для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все [Филлмор, 1988, 54]. В этом случае вводится понятие фрейма, как особой унифицированной конструкции знания или связной схематизации опыта.

Привлекает внимание двойственная природа фреймов. С одной стороны, фреймы — некоторые, определенным образом структурированные лексические подсистемы. С другой стороны — это средство организации и инструменты познания, некоторая внутренняя когнитивная информация, возникающая различным путем — как врожденная структура или же путем усвоения из опыта и обучения. Как таковое, фрейм лежит в основе категории, называемой словом, а также в основе суперкатегории или лексической группы.

Данная работа позволяет описать типы фреймов, лежащих в основе подразделов юридической терминосистемы, а также когнитивные характеристики производного

слова-термина в системе юридической терминологии. Фреймовый анализ производится на четырех уровнях. Первым является макроуровень всей юридической терминосистемы, внутри которого выделяются подразделы, каждый из которых является определенным лексико-семантическим полем. Выделение этих подразделов и установление типов фреймов, лежащих в их основе, является вторым уровнем анализа. Определение роли, которую играет каждая единица в когнитивной структуре определенного подраздела и на этой основе реконструирование событийных фреймов внутри каждого подраздела составляет третий уровень анализа. И, наконец, четвертым уровнем является фреймовый анализ на уровне производного слова.

Для того, чтобы определить какую роль в структуре определенного подраздела юридической терминосистемы играют его составляющие, нами была использована несколько модифицированная схема концептуальной структуры Макро-События, предложенная Тэлми [Talmy, 1991].

Ядро данной структуры составляет Основное Событие FE (framing event), в котором выделяются следующие компоненты: Фигура F (figure) — предмет ориентации, Фон G (ground) — объект-ориентир, задающий систему координат для фигуры, предикат движения — локализации Move-Be и путь — место P/S (path/site) — динамические и статические координаты. Кроме того, в структуру Макро-События входят Дополнительное событие SE (supporting event), связанное с основным посредством Дополнительной Связи, а также Агентивный Комплекс.

Схематически концептуальную структуру Макро-События можно представить следующим образом (схема 1).

В соответствии с данной схемой нам представляется возможным представить концептуальную структуру основных подразделов юридической терминосистемы: Уголовное право. Гражданское право. Семейное право (схемы 2, 3).

Схема 1.

[AC] Агенс	Событие [E]
[SE] Дополнительное событие	Основное событие [FE]
[GS] Фоновая структура	Фигура [F]
[G] Фон	Путь/место [P/S]

Схема 2.

Marriage(Женитьба или замужество)
 Husband and wife (муж и жена)
 Bed (брачные права и обязанности)
 Relatives (родственники)
 Matrimony (супружество)
 FamUf (семья)
 Children (дети)
 Aquests (имущество, приобретенное в браке)

Схема 3. Divorce (развод)

Husband & Wife (divorcer, divorcee) Cause of Divorce (ex. adultery)

Aliment (

Separation (раздел)

Abandonment (оставление жены
и ребенка)

Family arrangement (семейный раздел имущества)

Trial (судебный процесс)

Court (суд)

Установление типов отношений и определение ролевых характеристик компонентов Макро-Структуры создают предпосылки для построения моделей фреймов внутри данной структуры. Для этой цели в работе используется аппарат Событийных фреймов, предложенный Тэлми [Talmy, 1994].

В отличие от обычного фрейма событийный фрейм представляет собой довольно абстрактную структуру, которая содержит взаимосвязанные концептуальные элементы, необходимые и достаточные для опознания некоторого типа события. Тэлми выделяет следующие типы Событийных фреймов: “путь”, “каузальная цепочка”, “цикл”, “взаимодействие участников”, “обмен сущностями”, “интереляция”.

Из всей таксономии фреймов, предложенных Тэлми, для исследуемой терминологии релевантными оказались следующие:

а) фрейм — “интереляция”: [Person/Object/Event]<-> [Person / Object / Event].

Ex.: **husband** <-> **wife** (муж — жена); **criminality** <-> **law** (преступность — закон).

б) фрейм - "изменение состояния": [State1] -> [State2]

Ex.: **failure to prove the charge** -> **proof by evidences** (недоказанность совершения преступления — доказанность совершения преступления путем доказательств), **guilt** -> **guiltlessness** (вина — невиновность).

в) фрейм — “каузальная цепочка” [Cause] -> [Event]

Ex.: **abetment** -> **crime** (подстрекательство — преступление), **crime** -> **punishment** (преступление — наказание), **adultery** -> **condonation** (измена — прощение супружеской неверности).

г) фрейм — “агентивная каузация”: [Agent] -> [Event]

Ex.: **abetor** -> **crime** (подстрекатель — преступление), **employer** - **dismissal** (работодатель — увольнение).

д) фрейм — “обмен сущностями”: [Owner1] -> [Object] -> [Owner2] Ex.: **seller** -> **thing** -> **buyer** (продавец — покупка — покупатель).

е) фрейм — “направленность действия”: [Object] -> [Action] Ex.: **marriage** -> **to betroth** (женитьба — подписать брачный контракт).

ж) фрейм — “фактуальности”: [Event] <-> [Event] Ex.: **marriage** <-> **divorce** (женитьба — развод).

В ходе исследования выяснилось, что для каждого определенного подраздела существует доминирующий событийный фрейм, позволяющий выделить специфику данного подраздела.

Так, например, для трудового права основным является фрейм “агентивная каузация”. Этот факт объясняется тем, что все отношения в системе трудового права осуществляются в рамках фрейма: “работодатель — работа” или “работник — работа” и все что с этим связано. Например: **employer — compensation** (работодатель — компенсация); **worker — resignation** (работник — отставка).

Широта использования событийного фрейма “агентивная каузация” также объясняется тем, что понятие "employer" достаточно широкое и включает в себя как физических, так и юридических лиц.

Для семейного права наиболее характерными являются фреймы “интереляции” и “фактуальности”, так как все отношения в системе семейного права осуществляются через фрейм “муж — жена — родственники — дети” или отношения, входящие в данный фрейм.

Проведенный анализ основных подразделов юридической терминосистемы показал, что компоненты структуры определенного подраздела данной системы предстают в виде категорий концептуальной структуры Макро — События. Внутри данной структуры выделяются событийные фреймы типа “интереляции”, “фактуальности”, “обмена сущностями” и так далее. Из всего набора событийных фреймов можно выделить доминирующий для каждого типа права, как то: “фактуальности” и “интереляции” для семейного, “агентивной каузации” для трудового, “каузации” для уголовного и так далее.

Системно-деятельный подход в изучении словообразования предполагает ориентацию на процесс создания слова и анализа всего комплекса связанных с этим процессом условий. Когнитивная структура производного слова представлена его словообразовательной моделью и в каждом конкретном случае дополняется значением словообразовательной модели или словообразовательным значением [Овакимян, 1994, 5]. В производной лексике концептуальное объяснение основывается не только на содержании лексической единицы, но и выражается формой, в которую помещено это содержание. Высказывание Гирертца о том, что язык — это не только и не столько содержание, но еще и форма, и что формальная часть имеет свою собственную экспрессивность [Geeraerts, 1988] можно прежде всего отнести к словам производным, так как они имеют и содержание и четко выраженную форму.

При анализе когнитивных моделей производных слов в работе была использована методика фреймового анализа, предложенная Джакендоффом. В концептуальную структуру производного слова входят примитивные концептуальные категории (падежи) [Jakendoff, 1989]¹, а также дополнительные

условия в концептуальной структуре, такие как “дескрипторы действия”² и оценочный компонент³.

Производные слова можно рассматривать в двух плоскостях:

1. Одного и того же аффикса, обеспечивающего концептуальное единство словообразовательной модели и словообразовательного ряда;

2. Исходного мотивирующего слова, обеспечивающего концептуальное единство словообразовательной пары, цепочки, гнезда.

При общности модели производные слова легче поддаются описанию, так как они образуют общую категорию — часть речи.

Производные слова, будучи структурированы по моделям, охватывают ту или иную заранее predetermined концептуальную область. Каждая модель имеет свой порядок организации семантических компонентов.

I. 1) [act] + er(or) -> [p] (doer of the action)

Единицы типа **Killer, lawyer, solicitor, employer, accuser** встречаются во всех подразделах юридической терминосистемы. Все эти производные имеют значение “лицо, характеризующееся выполнением действия” и организованы последовательностью семантических компонентов: лицо [p] + выполняющее действие [act] -> **[doer of the action]**

Однако, в ходе исследования юридических терминов выяснилось, что несмотря на общность модели, термины разделяются внутри нее по параметру “оценка” [val]. То есть в юридической терминологии в термин входит компонент оценки, который маркирует термины “хорошо — плохо”, то есть “законно или незаконно”. Это, пожалуй, единственный случай в юридической терминологии, где помимо когнитивного аспекта мы должны иметь в виду прагматический. В соответствии с этим мы можем представить следующую схему структуры производного термина со значением “лицо, характеризующееся выполнением действия”:

[act] + er -> [p] (doer of the action)

[val]

I. Лицо, выполняющее действие профессионально:

to solicit + or -> solicitor

to probe + er -> prober

to defend + er -> defender

1 [act] — action (действие)

[p] — person (производитель действия)

[r] — recipient (реципиент, тот, на которого направлено действие)

2 [aim] — цель

[res] — результат

[cond] — условие

[temp] — темпоратив

[loc] — локатив

3 [val] — оценка

2. лицо, выполняющее противоправное действие:

to kill + er -> killer

to abet + or -> abettor

to racket + er -> racketeer

и т. д.

II. [act] + ee -> [r]

Данная фреймовая структура производного термина имеет не меньшее распространение, чем структура [act] + er-> [p]. Она имеет значение “лицо, на которое направлено действие”. Обычно единицы подобного типа располагаются параллельно единицам типа [act] + er -> [p], что позволяет представить расширенную фреймовую структуру для данных производных терминов:

[p] <- er + [act] + ee-> [r]

to divorce + ce -> divorcee, тот, с кем разводятся (ср. **divorcer**, тот, кто подал на развод);

to employ + ee -> employee, служащий, принятый на работу (ср. **employer**, тот, кто принимает на работу);

Показателен также пример со словами "divorcer" и "divorcee". В русском языке мы не разграничиваем понятия “разводящийся”, то есть, нет разницы между “лицом, которое подает на развод” и “лицом, с которым разводятся”. В английском же языке здесь существует совершенно четкая грань, которую позволяет провести знание значения суффиксов -er и -ee, то есть "divorcer" обозначает лицо, которое подает на развод, а "divorcee" — лицо, на которое подают на развод.

III. Поскольку юридический язык необычайно точен и не допускает двояких толкований, достаточно распространенной является модель образования существительных от глаголов с помощью суффиксов, которые служат для обозначения понятий, основанных на каких-то конкретных действиях. Среди данных суффиксов наибольшее распространение получили суффиксы **-ion**

(**-ation, -tion, -sion, -ssion**), которые в некоторых случаях меняют произношение, а иногда и написание слов, а также **-ment, -ance, -age**.

Концептуальная структура в данном случае имеет вид:

[act] + suffix -> [Event]

(**-ion, -age, -ment, -ance**)

to abdicate (отказываться от ребенка) + **ion -> abdication** (отказ от ребенка);

to maintain (содержать) + **ance -> maintenance** (содержание).

Необходимо отметить, что когнитивные аспекты семантики производного юридического термина в работе рассмотрены на материале производных глаголов и существительных, выбор которых в качестве объектов анализа предопределяется сущностными характеристиками этих частей речи. Это надо понимать не только в том смысле, что существительные и глаголы являются кардинальными частями

речи, но и потому, что существительные со словообразовательной точки зрения характеризуются разнообразными специализированными значениями, ведущими к усложнению их концептуального осмысления, а глаголы наоборот, имеют более общие и регулярные значения, что в свою очередь облегчает их концептуальное осмысление.

1. [thing] + ize -> [action]

action (иск) + **ize** -> **actionizg** (преследовать в исковом порядке);

criminal (преступник) + **ize** -> **criminalize** (объявлять деяние преступлением по закону);

bastard (внебрачный ребенок) + **ize** -> **bastardize**

1. объявить в судебном порядке незаконнорожденность [res];

2. представить доказательства незаконнорожденности [aim];

3. произвести на свет незаконнорожденного ребенка [res]. Последний пример очень показателен. Здесь нам представляется важным говорить о неоднородности действия [action], на которое указывает значение суффикса

-ize. В данном случае глагол **to bastardize** имеет три значения, которые отличаются друг от друга по какому-то определенному параметру. Мы назовем этот параметр “дескриптором действия”: в первом случае это [res] — результат, во втором — [aim] — цель и в третьем случае — [res] результат.

Данный пример позволяет нам судить о том, что структура производного термина-глагола не так проста, как кажется на первый взгляд. Она дополняется и углубляется определенными условиями, которые мы назвали “дескрипторами действия”, такими как [cond] — условие, [aim] — цель, [loc] — локатив, [temp] — темпоратив, [res] — результат.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: концептуальное объяснение производного слова основывается не только на содержании данной лексической единицы, но и выражается формой, в которую помещено это содержание. Структурно и семантически разложимая форма производного слова является формой представления его значения. Когнитивная структура производного слова коррелирует с его словообразовательной моделью, которая является тем каркасом, той прототипической конструкцией, которая затем наполняется конкретным лексическим содержанием.

Семантика художественной детали

Т.П. Желонкина

ЭРГАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Идея эргативности получила широкое освещение в работах Климова Г.А., Кибрика А.Е. Это явление описано на материале различных языков: кавказских, эскимосо-алеутских, современных иранских, на материале языков Австралии, Южной Америки.

Термин "эргатив" (в переводе с греческого *ergates* означает "деятель, действующее лицо") используется для описания грамматических структур, в которых субъект непереходного глагола оформляется также как и объект переходного глагола, но иначе чем субъект переходного глагола. Таким образом проблема эргативности связывается с проблемой переходности/непереходности глагола, с категорией залога.

Мнения лингвистов о категории залога в английском языке различны. Ахманова О.С. выделяет в английском языке следующие виды залога: безобъектный залог, взаимный залог, взаимно-возвратный залог, средний залог, возвратно-средний залог, возвратный залог, косвенно-возвратный, общевозвратный залог, медиопассив, страдательный залог (11,152). Долинина И.Б. отмечает наличие у английского глагола активного, пассивного, среднего, рефлексного, абсолютного залогов. Проанализировав предложения типа: *The new record sold well*, где субъект оказывается как бы псевдоисточником действия, а форма глагола беспредложной, Долинина И.Б. относит их к среднему залогу (4, 40).

Бархударов Л.С. считает, что в предложении *The novel reads with great interest* подлежащее не является ни субъектом, ни объектом действия. Субъект как бы характеризуется действием, которое происходит без его участия. Дополнения в этом случае при глаголе нет. Существует мнение, пишет Бархударов Л.С., что в этих конструкциях активная форма глагола имеет пассивное значение (3, 86). Для описания залоговой системы не только у глаголов с очевидным, но и со спорным лексикографическим толкованием Долинина И.Б. использует понятие "гиперлексема". Под гиперлексемой понимается такое значение глагольной вокабулы, которое включает в себя максимальное количество партиципантов, находящихся синтаксическое выражение хотя бы в одной из структур. Гиперлексема позволяет дать определение среднего залога в терминах диатезы как "сдвиг диатезного значения при среднем залог, который заключается в изменении интенции, ставящей в центр высказывания второй партиципант. Однако, это изменения иного плана, нежели при пассивном залог: внимание фокусируется не на всем факте, т.е. характере отношения между объектом и субъектом, а на части

факта — на характере отношения объекта к действию (4, 49). "The door closed with a crack". "The book reads easily."

Несмотря на то, что средний залог не получил постоянного статуса в системе залогов современного английского языка, наличие среднего залога на более ранних этапах развития английского языка отмечается у Sweet H., Poldauf J. Они называют средний залог медиопассивом.

Высказывается мнение, что эргативность присутствует и в других языках номинативного строя. В частности, в русском языке, в предложениях типа: "Вода растворяет соль". В существительном "вода" реализуется семантический падеж локатив. Или "Весна торопит земледельцев". В существительном "весна" реализация темпоратива. В этих предложениях происходит нарушение традиционной схемы: субъект и объект меняются местами.

Грамматики современного английского языка, например (10,303) отмечают, что существуют глаголы, которые позволяют описать действие как с точки зрения исполнителя действия, так и с точки зрения того, на кого распространяется данное действие. Отсюда следует, что такие глаголы могут принимать после себя прямое дополнение и вести себя как переходные, а могут использоваться и без упоминания исполнителя действия и вести себя как непереходные. Например, When I opened the door there was Mary. Но: Suddenly the door opened. При этом отмечается, что объект переходного глагола, который становится субъектом непереходного глагола обычно соотносится с неодушевленным предметом. Глаголы, которые ведут себя как глагол to open, называются эргативными. Эргативные глаголы выполняют в предложении функцию пассива, т.к. они позволяют не обозначать в предложении исполнителя данного действия. Таким образом пассивная перспектива благодаря использованию эргативных глаголов будет выражена активной предикацией.

Роберт Диксон в своей монографии "Эргативность" подчеркивает, что различие между пассивом и эргативностью заключается в референте подлежащего. Явление типа: "The book sells well" он называет антипассивом или синтаксической эргативностью. По мнению Р.Диксона синтаксическая эргативность характеризует ситуации, имеющие прагматическую направленность. Предикатно-аргументная структура, лежащая в основе агенсных отношений, обеспечивает перемещение из позиции подлежащего в позицию объекта. Неустойчивая переходность (fluid transitivity) глаголов английского языка (7, 143) создает условия для антипассива или синтаксической эргативности, которая используется в том случае, если внимание фокусируется на том факте, что референт агенса, лежащего в основе, участвует в некоторой деятельности, которая предполагает участие объекта. Напр., Sex and scandal sell newspaper.

Синтаксическая эргативность, как заметил Р.Диксон, есть результат особенности семантики глаголов. Попробуем проанализировать текстовую реализацию глаголов, имеющих словарную помету "эргативный глагол", чтобы

выявить некоторые особенности таких глаголов. Например, глаголы to divide, to ring, to sleep. The control room divides into two halves. The hall really divides up into several main areas.

Оба предложения с глаголом "to divide " содержат скрытый, невыраженный синтаксически агенс. В позиции подлежащего находится существительное, в котором лексически реализуется семантическая роль реципиента.

On Sunday morning church bells rang in the villages alongshore. I was looking down the street when the dinner-bell rang. В обоих случаях употребления глагола to ring пассивная перспектива выражена активной предикацией. План выражения и план содержания не совпадают. Семантический падеж "объектив" (church bells/dinner-bell) занимает позицию подлежащего. В обоих случаях возможна трансформация конструкции Somebody rang the church bells. Отсутствие агенса в синтаксической структуре предложения придает ситуации впечатление самопроизвольности. Рассмотрим употребление глагола to sleep.

Caravan can sleep eight persons. The tent sleeps six. The cabin sleeps twenty people. В конструкциях с глаголом to sleep локатив, выраженный неодушевленными именами caravan, cabin, tent занимает позицию подлежащего. Нарушена изоморфность единиц семантического и синтаксического уровней, т.к. данные конструкции являются производными от конструкций типа: Eight persons can sleep in the caravan. Twenty people sleep in the cabin. В этих примерах субъект непереходного глагола становится объектом, когда глагол используется как переходный.

В заключение следует сказать, что в результате несоответствия между единицами семантического и синтаксического уровней в предложении происходят диатезные сдвиги и возникает особый вид конструкции — эргативная конструкция, когда объект переходного глагола становится субъектом непереходного.

Библиография

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. М., 1983.
3. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
4. Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.
5. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
6. Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
7. Dixon R.W. Ergativity. Cambridge studies in Linguistics-69. Cambridge, 1995.
8. Poldauf J. The so-called "Medio-Passive" in English. In: Acta Universitatis Carolinae. Philologica-3. Prague, 1969.
9. Sweet H. A new English: logical and historical. Oxford, 1900.

Л.П. Кожевникова

СЕМАНТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ

Степень разработанности проблемы метонимии в тексте позволяет говорить о возможности использования в рамках стилистического анализа и интерпретации текста целого ряда терминов и понятий, оперирующих изначально такой семантической единицей, как художественная деталь (см. об этом (1)

Понятийный аппарат явления метонимии в тексте включает в себя:

1) метонимию в широком смысле — введение предмета через чувственно-воспринимаемый признак: аудитивный, тактильный (тепло, холод) или запах; 2) художественную деталь, помогающую выявлению текстовой импликации (2; 3) сюжетную метонимию — употребление детали в качестве вехи сюжетно-композиционного построения произведения как символ завязки, кульминации или развязки; 4) скрытую подачу действия путем указания на его внешние знаки или на реакцию окружающих; при этом явление показывается через его часть, атрибут или какое-то другое явление, реально связанное с первым во времени и в пространстве; 5) метонимическое переподчинение (термин М.В.Никитина) — отнесение к одному предмету признаков другого, смежно с ним связанного; 6) метонимический эпитет — изображение явления через выделение яркой детали-признака, как ведущее средство построения стихотворного текста или ключевых фрагментов целого в повествовании; 7) тропеические комплексы на основе развития метонимии в метафору и наоборот.

В отечественной лингвостилистике, стилистике и интерпретации текста понятие детали имеет несколько трактовок, характеризующих это явление с разных сторон: 1) деталь, как семиотическое явление/знак-признак (К.А.Долинин); 2) деталь как разновидность метонимического переноса на уровне текста — собственно, синекдоха (Н.Ф.Половина); 3) деталь как самостоятельное экспрессивно-стилистическое средство, принципиально отличное от метонимии и синекдохи в функционально-семантическом плане (В.А.Кухаренко); 4) деталь как лингвистическое явление, отличающееся в диахронии спецификой актуализации семантической структуры слова (М.А.Березняк).

К.А.Долинин соотносит понятие детали с квазидраматургическим повествованием, которое часто, помимо воспроизведения сцен со множеством подробностей, прибегает к конкретной детали, выступающей в роли знака некоторой

неназванной сущности. Знаки-признаки выступают в качестве внешнего проявления какого-то состояния, качества, процесса, хотя бы потенциально доступного наблюдению. Это может быть физиологическая реакция, жест, предмет обстановки, одежда, характерное слово или действие.

Актуализация художественной детали неразрывно связана с контекстом. Хотя не исключены и такие случаи, когда она может отсылать к неназванной сущности более или менее независимо от контекста и иметь одно и то же означаемое в разных контекстах. Чаще же всего художественная деталь получает или хотя бы уточняет свое значение только в рамках данного произведения. Осмысление художественной детали, акцентирует К.А.Долинин, есть частный случай восприятия подтекста.

Для целей интерпретации художественного текста на материале французской реалистической прозы К.А.Долинин выделяет такие виды литературных деталей, как: 1) чисто метонимические, имеющие локальное и легко формулируемое значение, и 2) оимволические, представляющие примеры тропеических комплексов, когда метонимическая деталь превращается в метафору (3, с.153).

Трактовка детали Н.Ф.Пелевиной, являющейся сторонницей метонимической концепции Р.О.Якобсона (4), основана на понимании метонимии в широком смысле, реализуемой теми ее разновидностями, о которых говорилось выше. Для целей стилистического анализа Н.Ф.Пелевина различает: 1) метонимию в узком смысле, когда замещение целого его частью, атрибутом не получает никакого обоснования в контексте, и 2) метонимический способ повествования (художественная деталь), когда выделение детали в контексте оправдано ситуацией. При таком понимании деталь является составным элементом в процессе реализации концептуально-эстетической информации текста.

В трактовке В.А.Кухаренко заостряется внимание на следующих различиях между синекдохой и деталью соответственно: 1) перенос наименования с целого на часть — прямое значение слова; 2) броская, привлекающая черта, направленная на экономию выразительных средств — малоприметная черта, подчеркивающая внутреннюю связь явлений (на ней не заостряется внимание, она сообщается мимоходом); 3) однозначная расшифровка подразумеваемого понятия — отсутствие однозначности расшифровки (5, с. 39—40).

При всей убедительности вышеприведенных доводов в пользу объективно существующих различий между синекдохой и художественной деталью различия второе и третье, как представляется, нельзя абсолютизировать. Актуализация детали в тексте с точки зрения признаковой делимитации изображаемых явлений требует специального рассмотрения в плане соответствия этого явления семантике синекдохы, о чем будет подробнее сказано ниже. Что же касается неоднозначности расшифровки детали, то ее тоже не следует считать абсолютной в силу включения в это понятие весьма разнородных в семантическом и стилистическом отношении явлений.

Так, в зависимости от разновидности детали, которых В.А.Кухаренко выделяет четыре (изобразительная, уточняющая, имплицитная, характерологическая), вид текстовой информации, актуализирующей деталь, будет меняться, вследствие чего могут меняться и смещаться акценты соответствия между синекдохой и деталью.

Рассмотрение этих двух стилистических концепций детали в англистике позволяет сказать, что, несмотря на факт несходства мнений, каждая из концепций по-своему оригинальна, освещая разные стороны анализируемого явления. По этой причине мы не противопоставляем эти концепции, а считаем их взаимодополняющими. Трактовка детали у В.А.Кухаренко дана с акцентом на позицию реципиента, выявление антропоцентрических характеристик, итогом чего и является подобная классификация типов. У Н.Ф.Пелевиной же — ярко выраженный контекстуальный подход, предполагающий в качестве точки отсчета актуализацию синекдохической детали в ситуативном контексте. Что же касается определения места детали в системе образных средств дискурса, то можно отметить сходство взглядов Р.О.Якобсона, К.А.Долинина, Н.Ф.Пелевиной.

М.А.Березняк определяет деталь как “минимальный коммуникативно значимый элемент художественного текста, способный индуцировать в воспринимающем сознании неделимый образ благодаря специфике своего положения в сообщении и иерархии структур” (6, с.8). Лингвистический аспект индукции образа, по М.А.Березняк, возникает в связи с выдвиганием в тексте языковой единицы и зависит от характера актуализации компонентов ее семантической структуры.

Классификация М.А.Березняк включает детали трех типов: констатирующую, имплицитную и репрезентирующую. Все выделяемые типы характеризуются высокой степенью обобщенности, в силу чего эта классификация может служить матрицей как при изучении детали в отдельном тексте, так и в литературном течении, в творчестве одного или нескольких писателей. В этом свидетельство перспективности предлагаемой классификации.

В плане рассмотрения семантики детали постараемся обосновать нашу позицию относительно такого семантического компонента, который принято именовать синекдохичностью.

Забегая вперед, можно сказать, что вопрос о соотношении детали и синекдохы не всегда можно решить однозначно в силу зависимости от типов и разновидностей деталей. Тем не менее, синекдохический характер портретных деталей в тексте можно аргументировать как в общетеоретическом, так и в иллюстративном плане. Теория вопроса о семантике синекдохы, особенно в речи, продолжает оставаться малоизученным явлением. Сегодня можно с уверенностью говорить лишь о таких компонентах ее семантической структуры, как партитивность и наиболее заметный и удобный признак единицы.

Применительно к анализу семантики синекдохы признак партитивности /pars pro toto не требует доказательства в силу существования понятия

метонимичности текста. Последняя существует объективно не только как эстетическая категория, предполагающая отношение части и целого сюжета и фабулы, а также типизацию образов, но и как категория лингвостилистическая, когда деталью считаются все элементы континуума текста.

Актуализация же второго различительного признака — наиболее заметный и удобный признак единицы — требует более пристального к себе отношения и обоснования. Наблюдение над актуализацией портретных деталей в реалистической прозе Дж.Голсуорси показывают, что в континуум текста включаются детали, отвечающие требованию выразительности визуально-наглядного признака или иной сенсорной модальности.

Лингвистической иллюстрацией сказанного может послужить полифоническая характеристика персонажей. Так, полифонизм характеристики Сомса Форсайта, реализуемый в романе Дж.Голсуорси “В петле” приемом “точки зрения”, позволяет сравнить трехракурсную подачу портретных деталей: от лица автора, самого персонажа и секретного агента. Проиллюстрируем сказанное примерами:

1. Авторское описание:

1) "... *the peculiar Forsyte build of his face* was seen to th best advantage this afternoon — a face concare and long, with a *jaw* which divested of flesh would have seemed; *extravagant*: altogether a *chinny face*, though not at all ill-looking."

2) "... the little back room had become quite accustomed to his spare, not unsolid but unobtrusive figure, and *his pale chinny face* with *clipped moustache* and dark hair not yet gryzling."

2. Самовосприятие в зеркале:

1) "And going over to the mirror he stood looking at his face Except for a line or two, and three or four gray hairs in his *little dark moustache*, had he aged any more than Irene?"

2) "He often scrutinised his image in these days. ... but he had a certain belief in his own appearance — not unjustly, for it was well-coupled and preserved, neat, healthy, *pale*, unblemished by drink or excess of any kind. The *Forsyte jaw* and the concentration of his face were, in his eyes, virtues. So far as he could tell there was no feature of him which need inspire dislike."

3. Описание агентом:

"Middle-aged, medium height, blue dittoes in afternoon, evening dress at night, *pale*, *dark hair*, *small dark moustache*, *flat cheeks good chin*, gray eyes, small feet, guilty look"

С точки зрения фиксации внимания на “критических”, основных точках наибольший интерес представляет, конечно же, третий вариант. куда вряд ли может попасть что-то незначительное. Как видим, через все три варианта проходят одни и те же детали: "pale", "dark hair" "small dark moustache", "flat cheeks", "good chin". При этом можно заметить некоторую синонимическую вариативность: flat cheeks, a face concare and long; a good jaw, the Forsyte jaw, a chinny face; small moustache, clipped

moustache. Совпадение определенного набора портретных деталей в разных точках зрения свидетельствует о фиксации основного, главного и исключает наличие незначительного.

“Критические” точки объективно существуют, и у каждого героя, в портретных описаниях, они не одни и те же, а свои, индивидуальные, отражающие его психологические особенности. Адекватность и мотивированность такого проникновения в психологию героя обеспечивает отсутствие шаблонно-стандартизованных описаний внешности. В этом плане показательным примером является описание внешности гостей, собравшихся в салоне Флер в романе “Белая обезьяна”. Остановимся на характеристиках Гордона Минхо и супругов Нейзингов.

1) "The well-known novelist looked *pale and composed: sometimes ironical, sometimes friendly.*"

^ В физиологии “критическими точками” называют наиболее значимые пункты контура, фиксируемые двигательными-осознательными функциями (7, с.103).

2) "Amabel Nazing came first, *clear alabaster* from her *fair hair* down to the *six inches of gleaming back* above her waist line, *shrouded alabaster* from four inches below the knee to *the gleaming toes of her shoes; ...*"

3) "Walter Nazing, who followed *a long way up above his wife*, had *a tiny line of collar* emergent from *swathes of black*, and *a face, cut a hundred years ago*, that slightly resembled Shelly's."

Характеризация Минхо представлена психологическими деталями (*pale and composed*), Эмебел Найзинг — метафоризированными цветовыми деталями, подчеркивающими практическое отсутствие одежды (*fair hair, clear alabaster, shrouded alabaster*), Уолтера Нейзинга — сочетанием деталей, подчеркивающих рост, строгость костюма (*a long way up above his wife, a tiny line of collar emergent from the swathes of black*) с деталью психологической, построенной с привлечением компаративного элемента (*a face, cut a hundred years ago, that slightly resembled Shelly's*).

При повторном введении портретных деталей в повествование их функция, очевидно, должна подчиняться общему закону редуцирования опознавательных функций, то есть ограничиваться значительными и главными. Согласно данному закону в сознании человека образуется только тот минимум дифференциальных признаков,¹ который необходим для узнавания предмета и отличения его от всех других предметов (8, с.51).

1 Понятие дифференциального признака отмечено терминологическим разнообразием: внутренняя форма слова (А.А.Потебня) формальное понятие (С.Д.Кацнельсон), понятие как значение слова (Д.Д.Райкова), интенционал лексического значения (М.В.Никитин).

Подобное явление легко объясняется некоторыми особенностями человеческой психики, в которой существует тенденция к экономии физиологических затрат. В

нормальных условиях человек вспоминает лишь немного деталей, его память сохраняет лишь наиболее существенное или самое впечатляющее из того, что он пережил, но при этом, как считают некоторые психологи, образный характер “записи” в мозгу несомненен (9, с.210).

Очевидно, речемыслительные процессы и процессы художественного воздействия /восприятия, типичные для писателя-реалиста, должны следовать этой общей психологической тенденции. Следуя основному эстетическому закону, сформулированному А.А. Потебней, о “сбережении сил читателя” (10, с.203), писатель-реалист заостряет внимание читателя не на всех деталях описываемых объектов и явлений, а только на определенном минимуме этих деталей, на “критических точках”, помогающих проникнуть в суть изображаемого и адекватно восстановить семантику и прагматику авторского замысла.

Итак, несомненен факт приверженности того или иного автора к определенному способу подачи портретных деталей, зависящему от особенностей индивидуального стиля и почерка одного писателя или разных литературных направлений. Но объективно, как мы стремились показать, и другое: выделение главного, основного в портрете персонажа происходит, как правило, в отвлечении от несущественного, незначительного с точки зрения прагматики восприятия и подтекста. В контексте сказанного синекдохичность портретных деталей, проиллюстрированная выше, является фактом очевидным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. - Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1980. - 271 с.
2. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопр. языкознания. - 1982. - № 4. -С. 83-91.
3. Долинин К.А. Интерпретация текста: Учебное пособие. - М.: Просвещение, 1985. - 288с.
4. Jakobson R., Halle M. Fundamentals of Language (second, revised edition, second printing). - The Hague; Paris: Mouton, 1975. -96 p.
5. Кухаренко А.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи. - Одесса: Одесский орд. Тр.Кр.Знамени гос. ун-т им. И.И.Мечникова, 1973. - 60 с.
6. Березняк М.А. Типы и функции художественной детали в англоязычной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1985. -16 с.
7. Кольцова М.М. Обобщение как функция мозга. - Л.: Наука, 1967, - 182 с.
8. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под общ. ред. чл.-кор. АН СССР Б.А. Серебренникова. - М.: Наука, 1970. - 604 с.

9. Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы / Пер. с англ. С.И. Кайдановой и И.М. Тонконового. - Л.: Медицина, Ленингр. отд-ние, 1964. - 264 с.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976. - 614 с.

Л. А. Липилина

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЫХ МЕТАФОР СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Постижение природы метафорического значения является одной из наиболее дискутируемых в силу своей чрезвычайной сложности и многогранности проблем лингвистики. Изменение базисной парадигматики научного знания, изучение языковых процессов в тесной связи с коммуникативными, познавательными и интенциональными потребностями личности, развитие когнитивных методов анализа способствовали модификации традиционного взгляда на метафору как на явление, принадлежащее исключительно языку. Результаты исследований последних лет свидетельствуют о том, что сейчас также оправдано говорить о метафоре как концептуальном феномене, как специфической форме когнитивного освоения и понимания человеком окружающего мира, как свойстве его мышления.

Ключевым положением когнитивной концепции метафоры Дж. Лакоффа, наиболее признанной современным научным сообществом теории, является утверждение о том, что сама понятийная система является фундаментально метафоричной по своей природе, а метафоры проникли в повседневную жизнь не только в языке, но в мыслях и действиях (Lakoff, Johnson 1980:3).

В формировании метафоры, которую когнитивные лингвисты понимают в изначальном кантовском смысле как схему, унифицированную когнитивную структуру, соединяющую ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, существенную роль играют предшествующий опыт человека, его телесная организация и культурная среда (см. работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Тернера, Э.К. Трауготт, Э. Свитсер, Б. Индурхиа и др.).

Наша концептуальная система содержит довольно многочисленный набор конвенциональных метафорических схем, которые как бы “встроены” в обыденное мышление, без усилия автоматически вызываются из памяти (effortless, automatic, entrenched) и являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка, в силу чего осознаются членами языкового коллектива как буквальное (Lakoff, Turner 1989: 55; Lakoff 1993: 210). Конвенциональные концептуальные метафоры, закрепленные в сознании образцы концептуальных соответствий

между различными содержательными областями (например, LIFE IS A JOURNEY, ARGUMENT IS WAR) имеют вид пропозиций.¹ Они лежат в основании мыслительных процессов и образуют “концептуальный каркас”, а в терминах Дж.Лакоффа — когнитивную карту (cognitive map) или “паутину” (cognitive web) концептов. Е.К.Трауготт отмечает, что метафорические схемы указывают на абстрактные, не выделяемые семантически области концептуального уровня, а Б.Нерлич называет их “программами” для метафор, а не метафорами как таковыми. Существование концептуальных метафор проявляется необычайной систематичности метафорических и метонимических семантически переносов как их лингвистических реализаций (концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR, например, реализуется посредством семантического “дерева” метафорически выражений, которые мы, не отдавая себе отчета, понимаем буквально — *your claims are indefensible, he attacked every weak point of my argument; his criticism was right on target; I demolished his arguments*). Анализ систематичности языковых выражений, убеждены когнитивные лингвисты, поможет раскрыть механизм метафорического переноса понятийных структур из одной области человеческого опыта в другую и, тем самым, проникнуть в тайну глубинных закономерностей человеческого мышления.

Материалом для данной статьи послужили метафорические инновации появившиеся в английском языке в последние три десятилетия и зафиксированные словарями неологизмов К. Барнхарта, Дж. Эйто, Дж. Грина, Р. Кокса, С. Таллоч.

Нами предпринимается попытка показать, что когнитивным основанием значения новых метафорических единиц, рассматриваемых в настоящей статье,

¹ Как известно, пропозиции отражают некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойствами и осмысленные как таковые в голове человека. Они представляют собой структуры сознания, единицы хранения знания, репрезентирующие мир и выступающие в виде определенной формы его репрезентации. (Краткий словарь когнитивных терминов 1996:134-140; Кубрякова 1986; Пенкрац 1992). Пропозициональный характер концептуальных метафор проявляется в том, что в голове человека различные концептуальные области становятся связанными, благодаря метафорическому осмыслению мира.

послужили традиционные концептуальные метафоры морали и нравственности, являющиеся отчасти универсальными, отчасти культурно обусловленными, присущими англо-американскому языковому сознанию.

Исходя из утверждения М. Тернера о том, что значение заключено не в словах, а в схемах, данных нашему сознанию (*meaning lies not in words but in the patterns of the brain*) [Turner 1991], мы считаем, что конвенциональная концептуальная метафора моделирует новое лексическое значение на пропозициональном уровне.

Морально-нравственные принципы и правила поведения, понятия о добре и зле совпадающие в большинстве культур, имеют, по мнению Дж. Лакоффа, основание

в таком виде челореческого опыта как физическое и материальное благополучие (*physical and material well-being*). Благополучие в обыденном сознании и народной философии связывается обычно с физической силой (лучше быть здоровым, чем больным), заботой (лучше, чтобы о нас заботились, чем испытывали равнодушие), безопасностью (плохо подвергаться опасности), счастьем (лучше быть счастливым, чем несчастным, страдающим), материальным братством (испытывать нужду — плохо, а быть богатым — хорошо), красотой (лучше иметь привлекательную, красивую внешность, чем быть некрасивым), свободой (плохо, когда свобода ограничена) и так далее. Моральное и нравственное поэтому метафорически осмысляется посредством одного из вышеуказанных понятий, определяющих физическое здоровье и материальное благополучие, — мы говорим о моральной силе и стойкости духа, нравственном здоровье, духовном, т.е. внутреннем богатстве (не имеющем ничего общего с материальным, денежным его выражением). Правильными, с точки зрения общепринятой морали, считаются поступки, направленные на благо людей. Действия же, причиняющие вред физическому здоровью людей, угрожающие их счастью, благополучию, считаются аморальными, противоречащими интересам общества и порицаются им. Немаловажно при этом помнить, что хорошее концептуализируется языковым сознанием как свет, а порок, зло — как тьма.

Однако не все так прямолинейно и однозначно и непосредственно вытекает из физической опыта, указывает Дж. Лакофф, когда мы говорим о нравственных ценностях: ребенок может не получать достаточного внимания со стороны родителей, но быть здоровым, красота нередко бывает объектом зависти, темнота нам необходима для полноценного сна, излишняя свобода иногда бывает во вред, печаль и боль необходимы порой, чтобы лучше оценить, что такое счастье (Lakoff 1996a: 249-252; см. также Taub 1990; Klingbeil 1990; Johnson 1993; Lakoff 1996b). Но в целом, основные параметры физического и материального благосостояния являются определяющими для метафорического осмысления и языкового выражения понятий о нравственности и морали.

Существует несколько концептуальных метафорических схем, в соответствии с которыми мы рассуждаем о добродетели и пороке и каждая из них имеет свою источниковую содержательную область, специфику, логику и набор языковых выражений: так, в одних случаях мы говорим о моральной силе/слабости, способности противостоять злу (ср. англ. *to lack moral fibre, moral sinew, moral backbone*]2 *Motal Strength*), в других — о моральном долге, обязательстве, банкротстве [ср. англ. *moral bankrupt, moral oughts, moral duty*] (*Moral Accounting*), в третьих — о моральной чистоте, грязных делах и поступках [ср. англ. *purity of one's intent, dirty business*] (*Moral Purity*), в четвертых — о нравственной красоте или моральном уродстве [ср. англ. *spiritual beauty, She is a real monster*] (*Moral Beauty*), в пятых — о нравственном здоровье и о болезни, разъедающей душу [ср. англ. порочные люди

имеют *sick* или *diseased mind*] (Moral Health), в шестых — о низости подлых и о высоте благородных мыслей и поступков (Moral Height) [ср. англ. *low conduct* — безнравственное поведение; *low trick* — подлая выходка; *the man of high character* — благородный человек; *high thoughts* — возвышенные мысли] и так далее.

Большинство из этих метафорических концептуальных схем имеют универсальный характер, некоторые являются культурно обусловленными. Различаются концептуальные метафоры морали и по сложности внутренней структуры: например, метафора “Моральная чистота” (Moral Purity) состоит только из двух схем

2 Иллюстративные примеры конвенциональных языковых выражений в основном взяты из Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д.Апресяна и частично заимствованы из работы Дж. Лакоффа "Metaphor System for Morality" (Lakoff 1996b)

“Добродетель — это чистота” (“Morality is Purity”) и “Порок — это грязь” (“Immorality is Impurity”), в то время как метафора "Moral Accounting" обладает чрезвычайно сложным построением и состоит из целого набора концептуальных схем и следствий (entailments) из более общих схем — “Взаимные расчеты” (Reciprocation) [Moral Action is Financial Transaction — Thank you for what you have done for me. I am in your *debt* now; I'll try to *repay* you), “Возмездие” (Retribution) [I *won't let you get away with it*], (Restitution) [I'm sorry but I'll *make up* for what I have done], “Бескорыстие” (Altruism) [No, I don't want anything *in return*], “Отмщение” (Revenge) [I have only *paid* you for what you did]. (Lakoff 1996b 252—255)

Концептуальные схемы непосредственно влияют на формирование стереотипов, служащих образцами морально-нравственного поведения для членов социума. Например, не случайно принятый во многих культурах стереотип положительного героя, т.е. человека, отвечающего моральным нормам и совершающего хорошие, с этической точки зрения, поступки, включает следующие черты — внешнюю привлекательность (красивое лицо, стройную высокую фигуру), внутреннюю чистоту, высоту помыслов и поступков, в то время как стереотипный облик негодяя будет диаметрально противоположным — он некрасив, сутул, с черной душой и грязными мыслями, совершает низкие поступки.

Прежде, чем перейти к рассмотрению новых метафорических единиц, образованных под влиянием концептуальных схем морали и значение которых можно представить в виде соответствующей данной схеме пропозиции, хотелось бы отметить неслучайность их появления в таких секторах англоязычной картины мира как “Политика”, “Бизнес”. “Люди и Общество”, т.е. их участие в ословливание тех фрагментов социального опыта, в которых проблема следования или нарушения морально-нравственных норм приобретает чрезвычайно важное значение.

Порочное и безнравственное традиционно концептуализируется как темное, черное, а добродетель — как светлое, белое, что соответствует концептуальным метафорическим схемам, существующим в нашем сознании "MORAL IS LIGHT" и "IMMORAL IS DARK". Данные концептуальные схемы, в свою очередь, являются следствием базовой концептуальной метафоры "GOODNESS IS LIGHT", "BADNESS IS DARKNESS". Не случайно поэтому мы говорим о “темных” (т.е. неправедных) делах [ср. англ. *dark deeds*] и “у него черная душа” — о человеке, способном на дурные поступки (ср. англ. *black-hearted man*), *black lie* — о подлой лжи и *white lie* — о лжи невинной, не причиняющей вреда. В англоязычном фольклоре положительные герои носят белые шляпы (ср. значение конвенциональной лексической единицы в английском языке, созданной в результате метонимического переноса *white hat* — положительный юрой), а злодеи — черные.

Концептуальная метафора "MORAL IS LIGHT" лежит в основании значения нивой метафорический единицы *white knight*, появившейся в сленге биржевых маклеров и финансистов в 80-х годах, и созданных впоследствии по аналогии с ней лексем *white squire* (со сходным значением) и *black knight* (с противоположным значением). Слово *white knight* обозначает компанию или лицо, которые приходят на помощь другой компании, которой угрожает финансовый крах и слияние с более крупной компанией. *White knight*, в этом случае, вступает в биржевую борьбу и в качестве противодействующей силы, предлагая более высокую цену, препятствует продаже компании именно этому претенденту. *White squire* является, как правило, индивидуальным лицом и обладает меньшим капиталом. Он не может так радикально изменить ситуацию как *white knight*, однако появляется при первых признаках возникновения финансовых проблем, чтобы оказать посильную помощь, и покупает большую часть акций терпящей бедствие компании для того, чтобы сделать ее непривлекательной в глазах “акул бизнеса”, которые хотят ее поглотить. В значениях данных единиц отражены романтические представления социума о благородном рыцаре в сияющих доспехах, появляющемся спасти прекрасную даму. Указание именно на этот аспект значения представляется особенно важным, так как в современном английском языке существовала и раньше единица *white knight*, обозначающая восторженного неудачника, в основание метафоры при этом было положено сходство с персонажем книги Л. Кэрролла “Алиса в Зазеркалье” по имени White Knight.

Black knight означает компанию или лицо, предлагающих финансовую помощь другой компании, чтобы впоследствии приобрести над ней контроль. С точки зрения общепринятой морали действия *white knight*, не преследующего своей выгоды, а лишь думающего о благе других, оцениваются как благородные, достойные уважения, в то время как *black knight* действует обманом и руководствуется низкими целями, т.е. безнравственно. Поэтому значение метафоры

white knight можно представить в виде пропозиции MORAL IS LIGHT, а метафоры, *black knight* — IMMORAL IS DARK.

Непосредственно связанной с вышеуказанной концептуальной метафорической схемой является метафорическая схема “моральной чистоты” (Moral Purity) — безнравственность, распущенность, порок концептуализируются обычно как что-то нечистое, грязное, вызывающее отвращение (ср. He is a *dirty rat*; *dirty mind*; *dirty words*; I don't want to get my hands *dirty* in this. We are going to protect our children from such *filth*), о добродетели думают как о кристально чистой и незапятнанной (ср. She is as *pure* as the driven snow). При этом сама добродетель представляется как нечто материальное, физически существующее, вследствие чего ее можно сохранить в чистоте или запятнать (Johnson 1993; Lakoff 1996a: 261-262). Концептуальные метафорические схемы "MORALITY IS PURITY/CLEANLINESS" и "IMMORALITY IS IMPURITY/DIRT" лежат в основании появления и значения новых лексических метафор *Mr Clean*, *dirty tricks*, *digging for dirt*, *dirty dancing*.

Mr. Clean означает политика или общественного деятеля, известного своим благородством, неподкупностью, нравственностью поведения и вследствие этого имеющую безупречную репутацию. Впервые так назвали Эллиота Ричардсона, министра юстиции и генерального прокурора США, после его добровольной отставки в 1973 году, вызванной отказом подчиниться указаниям президента Р.Никсона в связи с Уотергейтским скандалом. Данный поступок безусловно высоко оценивается обществом как отвечающий нормам этики и заслуживает восхищения. Не вызывает сомнения, что именно пропозиция MORALITY IS CLEANLINESS лежит в основании метафорического значения данного неологизма (ср. конвенциональные языковые реализации данной концептуальной метафоры — He has a *spotless* record. He has a *clean* past). Поэтому кажется неубедительным объяснение, приводимое словаря неологизмов, что данное лексическое образование представляет собой переосмыслен названия бытового чистящего средства (ср. The Third Barnhart Dictionary of New English 1990: 328; A Concise Dictionary of New Words 1996:148).

Как указывалось выше, новые метафорические лексические единицы *dirty tricks* и *digging for dirt* появились для ословливания одного из фрагментов выборной гонки, когда в целях дискредитации политического конкурента ведется поиск компрометирующих соперника материалов при помощи использования различных тайных махинаций. Безнравственными, т.е. “грязными” при этом являются не только преданные огласке факты, часто клеветнического характера, но и сами бесчестные методы получения данных сведений — подслушивание, шантаж, подкуп. Такова оценка данная им социумом, сознанию которого дана концептуальная схема IMMORALITY IS DIRT.

Метафорические инновации *black money* (money from an illegal source', not reported to the government for tax purposes) и *black economy* (that area of country's eco-

nomic activities that produces no tax income), появившиеся в 70-х г. г., созданы по аналогии языковой единицей *black market*, широко использовавшейся во время и после второй мировой войны и обозначающей подпольную торговлю нормированными товарами (как правило продовольствием). Такой вид торговли был не только экономическим преступлением и карался по закону, но и имел явный антиобщественный характер — позорным моральным преступлением было в годы лишений наживаться на горе людей. В настоящее время преступлением против интересов и законов общества является сокрытие доходов от налогообложения, за счет которого осуществляется финансирование здравоохранения, культуры, образования и других социальных институтов и программ.

Мы уверены, что новые метафорические единицы *money-washing* и *laundry* образованы также в рамках данной концептуальной метафоры. Из житейского опыта нам известно, что грязные, испачканные вещи можно отстирать в прачечной так, что на них не останется и следов пятен. “Отмыванию” *money-washing* в данном случае подлежат деньги *black-money*, полученные из незаконных источников — взяток, торговли наркотиками, доходов игорных домов, проституции и т.д., — то есть “грязных”, признанных обществом как аморальные и преследуемые законом. “Прачечной” *laundry* для таких денег служит легально существующее предприятие, через которое они проводятся в целях сокрытия их истинного происхождения.

Иной аспект нравственного отражен в метафорической инновации *dirty dancing*, означающей эротический танец под музыку диско в быстром темпе, очень популярный в конце 80-х годов, в котором партнеры, совершая вращательные движения, очень тесно соприкасаются телами. Данный танец был оценен обществом как непристойный, а поведение танцующих его как противоречащее этическим нормам поведения.

Концептуальная метафора "MORAL IS STRAIGHT" и концептуальная схема "Moral is regular" послужили основой для появления таких метафорических инноваций как *straight society* и *cube*. Для обыденного сознания людей характерно связывать добродетель с красотой (ср. *прекрасный*, т.е. нравственный, честный поступок и англ. *a beautiful thing to do*), а порок — с уродством (ср. *безобразный* т.е. аморальный поступок, а человек, совершивший его, — настоящее чудовище и англ. *The thing are getting ugly. She is a real monster*). При этом правильность, прямолинейность, симметричность считаются прототипическими свойствами красивого (ср. *правильные*, т.е. красивые черты лица и в англ. *regular features*), а асимметрия, нарушение привычных (прямых) линий, форм и очертаний — прототипическими свойствами некрасивого. Конвенциональными языковыми реализациями концептуальной метафоры "MORAL IS STRAIGHT" и концептуальной схемы "Moral is regular" являются следующие выражения — *He is a straight arrow* (добропорядочный человек); *straighten out* означает исправиться, начать вести праведный образ жизни после совершенного проступка; *He is crooked*

(бесчестный человек) [ср. рус. *кривая* дорожка — путь бесчестья и порока]. Значение неологизма *straight society* — добропорядочные, честные люди, составляющие подавляющее большинство в обществе, имеющие соральные устои и следующие нормам поведения — является дальнейшей реализацией языковыми средствами данной метафорической схемы.

Однако чрезмерная добродетель считается нарочитой и фальшивой, поэтому конвенциональная метафорическая единица *square* (буквально означающая “квадрат”) имеет значение “a very conventional person”, т.е. человек, имеющий как бы в четыре раза больше добропорядочных качеств, придерживается традиционных, закостенелых взглядов. По аналогии с данной единицей был образован неологизм *cube* (буквально — куб) со значением “an extremely conventional person”.

Поступки, отвечающие морально-этическим нормам, принятым в обществе, концептуализируются, согласно утверждению Дж. Лакоффа, как движение в разрешенных участках, вдоль определенных границ и по допустимым путям (Moral Bounds). Поэтому антисоциальное поведение осмысливается как движение за пределами данных зон, отклонение от предписанных путей или нарушение установленных границ — ср. англ. *deviant behaviour* и рус. “сбиться с правильного, т.е. праведного пути”, “оступить, т.е. совершить проступок”. При этом человек, совершающий поступки, достойные порицания, как бы прокладывает свой путь, сам выбирает маршрут, пункт назначения которого рассматривается как его цель в рамках концептуальной метафоры *PURPOSES ARE DESTINATIONS*. Из этого следует, что устремления такого человека не просто иные, отличные от других членов общества, но они ставят под сомнение те ориентиры, которыми руководствуются люди в своей каждодневной жизни. Такое “отклонение” от норм расценивается не только как аморальное, а как угрожающее самым насущным и поэтому самым священным ценностям, общим для большинства порядочных людей. (Lakoff 1996a: 257-258). Опасность для общества со стороны людей, нарушающих предписанные границы, отклоняющихся в своем поведении от привычной, ставшей традицией нормы или просто действующих иначе, чем подавляющее большинство, состоит также и в том, что они ставят под сомнение принятый в обществе стереотип порядочного человека и могут увлечь за собой других (*ibid.*).

Пропозиция “*IMMORAL BEHAVIOUR IS DEVIATION FROM A PRESCRIBED PATH*” объединяет значения новых лексических единиц *far-outer* — one who is very unconventional; a non-conformist; *way-out* — a person who carries very unconventional, radical views; *drop-out* — a person who rejoins conventional society. Люди, отклоняющиеся в своем поведении от привычной нормы, осмысливаются метафорически как “зашедшие слишком далеко”, “выбравшие иной путь”,

“выпавшие” из общей колеи и тем самым сознательно противопоставившие себя обществу.

"IMMORAL BEHAVIOUR IS TRANSGRESSING PRESCRIBED BOUNDARIES"
— таково пропозициональное значение новой лексической метафоры *free-for-all* (a politician who ignores rules and restrictions to gain advantages). Политик, не останавливающийся ни перед чем в достижении своих целей, метафорически характеризуется как не ограничивающий свои действия никакими моральными рамками или правилами.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что конвенциональные метафоры как закрепленные в сознании образцы концептуальных соответствий между различными областями облегчают мыслительные процессы, предоставляя экспериенциальный контекст, в рамках которого вновь воспринимаемые понятия могут быть адаптированы и адекватно поняты. Когнитивная роль концептуальных метафор заключается в моделировании семантического значения лексических единиц на основе соответствующей пропозиции и проявляется в систематичности конвенциональных и новых языковых реализаций, в действии языковой аналогии. Значение лексических инноваций, созданных в рамках устойчивых метафорических схем, обладает семантической прозрачностью, угадываемостью, запоминаемостью, что способствует быстрому распознаванию новых концептов и облегчает оперирование ими. Вышеперечисленные свойства отличают данный тип языковых метафор от метафор образных (*one-shot image metaphors* по классификации Дж.Лакоффа), основанных на проецировании случайных признаков из одной концептуальной области в другую. Такое проецирование имеет более детальный характер, а разгадка “метафорического сюрприза” в силу этого требует обширных экстралингвистических знаний.

Библиографический список

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. — М., 1996.
2. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М., 1986.
3. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. — Минск, 1992.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. 1980, Chicago: University of Chicago Press.
5. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor*. // Ortony A. (ed.) *Metaphor and Thought*, Second edition, 1993, NY: Cambridge University Press.
6. Lakoff G. *The Metaphor System for Morality*.// *Conceptual Structure, Discourse and language*./ Goldberg A. (ed.).— Stanford, California: CSLI Publications, 1996a.

7. Lakoff G. *Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't*, 1996b, Chicago: University of Chicago Press.
8. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and reason*. 1987, Chicago: University of Chicago Press.
9. Johnson M. *Moral Imagination*. 1993, Chicago: University of Chicago Press
10. Johnson M. *Philosophical Implications of Cognitive Semantics*. / *Cognitive Linguistics*, 1992, v.3, no.4.
11. Nerlich B. *Knowing Through Metaphor*. — 1994, Cambridge: CUP.
12. Sweetser E. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. 1990, — NY: Cambridge University Press. Turner M. *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. 1991, Princeton. NJ: Princeton University Press.

Д. А. Салькова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И СЕМАНТИКО- СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕРИВАТОВ

В предлагаемом исследовании мы попытаемся показать, что концептуализация при деривации имеет свои специфические характеристики. Концептуализация при деривации предполагает и базовые концепты семантической модели (семантической структуры) деривата или его словообразовательного значения. Когнитивные процессы при деривации повторяют и некоторые общие закономерности, свойственные таковым и у других языковых единиц.

Анализ проводится на материале немецких деноминативных глаголов. Деноминативные глаголы в немецком языке были описаны достаточно в рамках “предкогнитивных” парадигм. Например, Г. Марчанд детально проанализировал эти глаголы в плане поисков составляющих их словообразовательного значения, остановившись на экспликации эквивалентности категориям членов предложения. В многотомном словаре семантики немецкого словообразования 1991 г. „*Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache*“ авторов Л. Ортнера, Э. Мюллер-Больхагена и др. (2) Словообразовательная семантика описана в характеристиках грамматики зависимостей, при этом в аппарате описания — богатый и многообразный набор характеристик, таких как “инструментальность”, “средство”, “аффицированный объект” и т. д.

Детальный анализ процессов концептуализации в словообразовании в целом по отношению к частям речи предпринят в недавно вышедшей книге Е. С. Кубряковой “*Части речи с когнитивной точки зрения*” (3) Е. С. Кубрякова показывает, что значения предметности имени существительного или признаковой

процессуальности у глагола как ведущие для части речи формируются в актах простейшего обозначения фрагментов материального и потому чувственно воспринимаемого мира. Но при транспозиции, каковой является и образование глаголов от существительных, словообразовательная структура имплицитно концептуализацию отношений между этими ведущими, кардинальными когнитивными структурами. Наш анализ подтверждает эту оценку автора.

Представляется, что концептуализация отношений между базовой и производной структурой эксплицируется или лексикализуется семантической моделью деривата или его словообразовательным значением. Мы ставим знак равенства между этими двумя категориями (4). Одновременно словообразовательная связь лексики, видимо, является одной из языковых репрезентаций упорядоченности структур сознания, о которой пишут специалисты по когнитивной психологии.

Мы рассматриваем словообразовательное значение или семантическую модель деривата как типовое отношение значений дериватов и значений производящей основы или как типовую внутреннюю мотивированность производного (5).

Является типичным, повторяется прежде всего отношение значения деривата к значению производящей основы. Дериват с уникальным отношением названных значений (типа Berlin-Stimmung), окказионализм, понятен только из контекста, он ещё не имеет словообразовательного значения.

Словообразовательное значение в качестве типичного и повторяющегося отношения реализуется как инвентаризация типичных, повторяющихся внутренних мотиваций. словообразовательное значение не идентично внутренней форме слова, эксплицируемой формулой, в которую переводится значение деривата при парафразировании. Внутренняя форма деривата — это экспликация определенных семантических компонентов его лексического значения, интерпретация лексического значения. Словообразовательное значение охватывает большое количество разноструктурных дериватов как один и тот же тип внутренней формы. Поэтому категория словообразовательного значения совпадает, по нашему мнению, с категорией семантической модели.

При дальнейшей идентификации семантических моделей дериватов как одной из методик анализа специфики концептуализации мы исходим из того, что оценка предикативным (6) или атрибутивным (7) является отношение ономастологического базиса и признака, не противоречат друг другу, так как атрибутивные отношения — это конвертированные предикативные. Фактически они совмещаются в оценке, что значение деривата, как правило, парафразируется в опорное слово с детерминирующим значение слова придаточным предложением.

Исследования же словообразовательных систем, в том числе и предпринятые нами, уже давно подтвердили положение, что семантические категории, конституирующие словообразовательное значение, могут быть весьма различного

объёма и степени абстракции от грамматичных до очень конкретных и узких лексических (8).

Нам представляется, что такая экспликация понятия словообразовательного значения конгруэнтна с оценками когнитивного анализа, а именно с оценкой Е. С. Кубряковой, что ономаσεологическая структура производного слова трехчленна, ее организация зависит от того с помощью какой еденицы сформированы базис, признак предикат или ономаσεологическая связка. Ономаσεологическая связка или предикат осуществляют связывание в единую структуру двух категориальных концептов, один из которых фиксируется базисом слова, другой ономаσεологическим признаком. Как отдельная лексема, — пишет Е. С. Кубрякова, — произвольное слово передаёт индивидуальное значение, но поскольку в его передаче используется расчленённый способ представления такого значения, дефиниция производного слова должна отразить и референцию к определенному денотату, и референцию к своему источнику. (9)

На базе перечисленных выше категорий мы проводим семантико-когнитивное исследование немецких деноминальных глаголов.

Выявились несколько типов структурирования словообразовательной семантики этих дериватов и несколько типов концептуализации при образовании описываемых глаголов.

Прежде всего выявляются семантические модели, почти не отягощенные “наращиванием” (термин Е. С. Кубряковой) семантическими компонентами, прототипические в плане отношений предметности-процессуальности и выступающие поэтому как первичные при деривации. Специфика концептуальности еще не подверглась дальнейшему усложнению. Среди них зарегистрированы следующие:

1. *hammern* — от *Hammer*, т.е. *Mit dem genannten Werkzeug die diesbezügliche Tätigkeit ausführen* (Производить разванным инструментом соответствующую деятельность.) Создаваемый семантический предикат — действие, акциальность.

На базе концепта “действие” и концепта “орудия труда” развивается концепт “трудовой деятельности при помощи этого инструмента”. Аналогично: *meißeln, formen, hanteln*.

2. *flöten* от *Flöte*, семантическая модель деривата: “*mit einem Musikinstrument Musik machen*” — “создавать музыку музыкальным инструментом”. Модель в принципе очень близкая первой, но возникающий семантический предикат объединяет и характеристики акциальности, и характеристики процессуальности.

Аналогично: *trommeln, geigen*.

На базе концепта музыкального инструмента и указанных семантических предикатов создается концепт “создание музыки”. Но также и концепт “звучание”, что создает далее диффузность, о чем ниже.

3. entkalken от Kalk, т.е. einen Stoff/ Gegenstand entfernen, (“удалять вещество, предмет”.)

Специфика этой модели в значительной степени определяется спецификой словообразовательного значения глагольных дериватов с префиксами ent-, aus-, ab-. Возникающий семантический предикат: превращение. Аналогично: enthaupten, abfischen, abfäben, ausdampfen. Из концепта “предмет, вещество” образуются концепты мануальных действий над этим объектом, часто получают значение разрушения, распада.

Это особенно наглядный пример того, что концептуализация связана (или рефлектуется) и словообразовательным значением.

4. fohlen от das Fohlen, т.е. ein Jungeu kriegen/ jungen — родить детеныша. Семантический предикат, возникший в результате деривации — процессуальность. На базе концепта “детеныш”, “вновь рожденное потомство” возникает концепт “процесс рождения потомства”. Аналогично: ferkeln, kalben.

Этот случай относится к тем, по которым в литературе по словообразованию остается нерешенным вопрос о направлении производности. В любом случае мы должны констатировать принадлежность обоих концептов к одному и тому же ассоциативному полю и их естественно обусловленную связь.

5. rappen от Pappe означает Eigenschaft von Pappe haben, иметь свойство клейстера. Аналогично: keimen. Семантический предикат-характеризация.

Из концепта “предмет, вещество с какими-то характерными свойствами” возникает концепт проявления этого свойства.

6. beschuhen от Schuh, семантическая модель: mit dem genannten Objekt versehen — снабдить объектом, обозначенном в базовом существительном (модель орнативности). Семантический предикат акциональность. Аналогично: bemannen, bebildern, belauben.

Концепт объекта развивается в концепт придания возможности обладания этим предметом.

7. polstern от Polster, семантическая модель durch einen Gegenstand mit einer Eigenschaft versehen. Через создание возможности обладания каким-то предметом придать объекту новое качество. Семантический предикат — акциональность. Аналогично: kacheln, bepudern.

На базе концепта “материал, как продукт какого-то производства возникает концепт “придания чему-то нового качества через названный материал”

8. blättern — Blätt, семантическая модель — mit dem (an dem) genannten Gegenstand etwas tun — что-то делать с названным предметом. Аналогично: stückeln: 1. — разбивать на куски; 2. — сшивать из кусков. Семантический предикат — акциональность.

Из концепта предмета развивается концепт действия с данным предметом или над названным предметом. Так как для данной модели нет более конкретной

детализации что именно производится с предметом, возникают также основания для диффузности значений.

9. *federn* от *Feder*, семантическая модель: *die Funktion des genannten Gegenstandes ausführen* — функционировать в соответствии с функцией предмета, названного в базовом существительном. Семантический предикат — процессуальность. Аналогично: *bremsen, distanzieren, betten*.

Концепт предмета со специфическими функциями перерастает в концепт реализации данной функции.

10. *ackern* от *Acker*, семантическая модель *auf einem Objekt mit lokalen Charakteristika etwas tun* — производить какое — то действие над объектом с локальными характеристиками. Семантический предикат — акциональность. Аналогично: *stranden, landen, moorbaden*.

Концепт объекта с какими — то локальными характеристиками развивается в концепт действия, связанного с данным объектом.

11. *gaunern* — *Gauner*, семантическая модель — *in der Rolle der genannten Person wirken* — выступить в роли, обозначенной названным лицом. Семантическая модель — характеристикация. Аналогично: *kaspeln, räubern*.

Из концепта “лицо с определенной ролью в обществе, с определенным отношением в обществе” развивается концепт “осуществления этой роли, реализация отношения

12. *schauspielern* — *Schauspieler*, семантическая модель: *seinen Beruf ausüben* — работать, осуществляя свою профессию. Семантический предикат: акциональность и процессуальность. Аналогично: *tischlern, lotzen, gärtnern, buchbindern, schriftstellern*.

Приведенный список не является законченным, в немецком языке деноминативные глаголы представлены ещё многими типами. Но во всех этих случаях очевидно что концепты — база первичных значений, возникающие при образовании глаголов из имен существительных, относятся к тому же самому концептуальному полю. И концепт ономастологического базиса, и концепт ономастологического признака — собственно одна и та же понятийная основа, структурированная либо как предмет, либо как действие. Причем действие или процессуальность возникает на базе предмета-инструмента действия, на базе предмета-материала действия, вещества, объекта, на котором производится действие. Действие может быть осуществлением профессии или роли лица.

На базе значений названных нами первичными, базовых процессов деривации, во многих случаях развиваются вторичные, но неметафоризированные (в узком понимании категории метафоры, не эквивалентном категории семантического изменения вообще). Их возникновение, как правило обосновано самой логикой описываемых фактов. Так из концепта “рождения детеныша” развивается более общий концепт отделения вообще. Сравните: *kalben* — телиться; 2. — отделяться.

Из концепта “звучание музыкального инструмента” развивается значение “приятно/слащаво петь”, (дальнейшее развитие — уже полная метафора). Например flöten;

Концепт — механизм передачи национальной культуры от поколения к поколению. И человек через концепт входит в культуру. Концепт — в структуру входит всё то, что делает его фактом культуры, исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания истории, современной ассоциации, оценки и т.д. Концепт — это понятие, окружённое национальным лексическим фоном эпохи.

Проблема очень частотной невозможности провести границы между отдельными значениями многозначного слова была эксплицирована давно. В классической лингвистике пытались исчислять отдельные значения по числу референтов, идентичность которых тоже не всегда очевидна.

В лингвистической литературе, проблематика которой выросла на основе достижений дистрибутивной лингвистики, были предложения отличать такие границы изменениями в валентности (13). То, что не все изменения в семантике регистрируется дистрибуцией, доказала сама дистрибутивная лингвистика и логика возникновения трансформационной грамматики.

Л.В. Щерба предлагал использовать для решения вопроса о границах значений методику определения возможности/ невозможности перевода отдельных значений иным словом стовляемого языка. Такая методика адекватна при составлении двуязычных словарей, но включает при этом чужую систему концептуализации, иную картину мира. Представляется, что диффузность типа “blötern” — перелистывать, “blötern” — слоится, “blötern” — отсчитывать бумажные деньги репрезентирует нерасчлененность самого концепта в языковом сознании того или иного языка.

Несомненно также и это уже описано в литературе, что рядом с диффузностью, или смыкаясь с ней, существует так называемая слабая семантическая дифференцированность языковых единиц.

Богато представлены а немецком языке отименные глаголы, имеющие не одно а несколько значений, часто далёких от значения мотивирующего существительного.

Большую роль при этом играет метафоризация. Говоря о метафоризации, следует упомянуть и важность знания сложившейся культурной ситуации, обычаев носителей языка. Зачастую необходим контекст для расшифровки значения полисеманта, выявляется несколько разных случаев:

1. Метафоризируется, символизируется название животных, каждому приписывается какая-либо характеристика, присущая или приписываемая данному животному. Причем в разных культурах это — разные качества. Здесь необходимо знание обычаев и культуры народа — носителя языка. Сравните: dachsen — der

Dachse — сурок. Сурку в немецком языковом сознании предписываются такие качества, как лень, наглость, отсюда значение глагола — “быть ленивым, наглым”, добавляется некоторая негативная оценка действию, также присутствует статика. Или: bocken — der Bock, wie ein Bock stehen. На основе движений, присущих данному животному совершен перенос значения: bocken — “вставать на дыбы, капризничать”.

Sich schlängeln — die Schlange — wie eine Schlange handeln. В данном случае зрительная характеристика становится символом характеристики поведения: sich schlängeln — “изворачиваться, хитрить”.

Большая часть образований, отнесенных к данной группе, употребляется в слэнге.

Много образований типа: kanghuruen. Метафоризируется базовое существительное; дериват со значением орнативности, чаще всего приставные глаголы с приставкой be-: benebeln — der Nebel — der Rausch als ob man im Nebel wäre, образ тумана сравнивается с “дымом, опьянением”. Семантический предикат — “превращать”. Эта группа слов относится к слэнгу, но есть тенденция к переходу в нормативную лексику.

3. Дериваты имеющие значение образа удачного действия с оценочным характером, например: fischen — der Fisch, — als man einen Fisch als Resultat des Angelns hätte, удачный результат действия — “вылавливать, выуживать”.

Явление сценарности, присущее этой группе дериватов, можно рассмотреть на нижеследующем примере: blüten lassen — “заставить заплатить большой ценой; буквально заставить истекать кровью. Оценка результата действия. Истоки возникновения этого концепта своими корнями уходят глубоко в историю, во времена кровавых междоусобиц и кровной мести, когда человечество жило по принципу “око за око, зуб за зуб”.

В зависимости от семантики базового существительного можно говорить и о отрицательной окраске концепта.

4. Обобщение признака, характерного для базового существительного, часто это название продукта или его компонента. Метафоризируется базовое существительное, например: absahnen — die Sahne. Необходимо знание культурной ситуации, сливки в сметане это лучшее, это на поверхности; снимать сливки — значит — брать лучшее, но не прикладывая особых усилий. Налицо негативность названного дериватом действия.

5. Большинство метафор, служащих базовыми существительными для этой группы, воплощают в глаголе семантический предикат на основе сравнения. Их толкование может привести к перефразе: действовать/ быть в состоянии, как например: entmenschen — лишать человеческих черт. Из базового существительного “der Mensch” берется только одна оценка, предписываемая

человеку высшего образца, подразумеваются лучшие качества человека. Приставка *ent-*, в данном случае, служит показателем лишения чего-либо.

6. Богато представлена группа метафор, образованных из фразеологических оборотов и не имеющих ничего общего с первичным значением базового существительного.

Например: *kdfern* — *nicht reicht bei Verstand sein*. На первый взгляд кажется, что дериват образован от метафоры “*Käfer*” — “милая девушка”, но это совсем другое значение.

Здесь за основу очевидно взят фразеологизм “*du hast wohl einen Käfer geschlukt*”.

То есть, глагол стягивает здесь, не метафоризуясь дополнительно, значение фразеологического оборота.

Метафоры основаны в этих глаголах на фундаментальном восприятии и оценке окружающего мира, очень частотно на постоянной, ставшей традиционной оценке животных, лиц, явлений. Или метафоры развиваются из уже метафоризированных на званий, объектов и в этом случае осуществляется лишь процессуализация какого-либо явления.

Все процессы метафоризации можно “поднять” синтаксичной формулой деривата, эксплицирующий его словообразовательное значение. Иными словами между спецификой концептуализации и словообразовательным значением описанных дериватов есть конгруэнтная параллельность. И семантическое моделирование может служить базой и при анализе процессов концептуализации.

Примечания

1. Marchand H. Die Ableitung desubstantivirscher Verben mit Nullmorphem im Französchén und Deutschen.// Die Neueren Sprachen, 1964, N8.

2. Ortner L., Мьller - Bollhagen. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Berlin. New York. : Walter der Gruyter, 1991.

3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. РАН. Институт языкознания. М., 1997.

4. Салькова Д.А. Синтаксические поля и семантическое моделирование. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983.

5. Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik Тьbingen: Francke Verlag, 1995

6. Салькова Д.А. Указ. соч.

7. Данную точку зрения представляет например в германистике Т. Шиппан: Schippan

Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habilitationsschrift, 1967.

8. Из оценки атрибутивности отношений исходит например, Б. Науманн: Naumann В. Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache //Germanistische Arbeitshefte.Н.У. Tübingen, 1972.

9. Эта точка зрения представлена, например у Р.З. Мурясова: О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи// Вопросы языкознания, 1976, ? 5.

10. Кубрякова Е.С. Указ. соч., стр.206.

11. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М., 1981.

12. Henn - Memmesheimer В. Metapher// Der Deutschunterricht. Н.5, 1991, s. 21 - 41.

13. Арутюнов А.Р. Лексикология немецкого языка. М., 1971

14. См. например: Русская грамматика. АН СССР т. М.: Наука, 1982.

Оглавление сборника

1. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии.
2. Александрова О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике.
3. Алексеева Т.Д. Переработка информации при устном переводе.
4. Антипенко Е.М. Культура общения и язык (к вопросу межнационального языкового общения).
5. Бойко Л.Б. Антропоним как объект герменевтического толкования при переводе художественного текста.
6. Болдырева С.И., Болдырева М.В. Политически корректный язык.
7. Болотина М.А. К вопросу о скрытых грамматических категориях: признак контролируемости в семантике предиката.
8. Бондарева Л.М. Прагматика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности.
9. Бондаренко И.В. Функционирование метафоры в научной речи.
10. Боярская Е.Л. Некоторые особенности механизма порождения производных значений полисеманта.
11. Бударина А.О. К проблеме использования ролевой игры в формировании коммуникативных способностей студентов.
12. Гизерская Е.К. Стратегия чтения — дидактический аспект.
13. Громова И.А. Когнитивные аспекты семантики юридического термина.
14. Желонкна Т.П. Эргативные глаголы в современном английском языке.
15. Кожевникова Л.П. Семантика художественной детали.
16. Липилина Л.А. Пропозициональный уровень презентации метафорического значения (на материале новых метафор современного английского языка).
17. Салькова Д.А. Концептуализация и семантико-словообразовательные характеристики дериватов